

И ДАЖЕ НЕБО
БЫЛО
НАШИМ

ПАОЛО
ДЖОРДАНО

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
ОДИНОЧЕСТВО ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ

18+

«И даже небо было нашим» — его лучшая книга на сегодня. — **ДЕЙВ ЭГГЕРС**

Паоло Джордано

И даже небо было нашим

Издательство «Синдбад»

2018

Джордано П.

И даже небо было нашим / П. Джордано — Издательство
«Синдбад», 2018

ISBN 978-5-00-131508-7

Все летние каникулы Тереза проводит у своей бабушки в Апулии, изнывая от скуки и пытаясь развлечь себя чтением детективных романов. Все меняет случайное знакомство с тремя мальчишками, живущими по соседству. Они из разных семей, но называют себя братьями, их союз кажется нерушимым. Со временем они принимают в свою компанию и Терезу. Неразлучным друзьям кажется, что их связь — на всю жизнь. Но, как оно бывает, у жизни свои планы. Подростковая беззаботность и романтические мечты разбиваются о жестокую реальность. Зависть, ревность и темные секреты прошлого встают на пути у крепкой дружбы. Выдержит ли четверка эти испытания?

«И даже небо было нашим» — новая книга Паоло Джордано, автора всемирного бестселлера «Одиночество простых чисел». Автор вновь с тонким изяществом показывает нам самые потаенные уголки человеческой души и дарит настоящее наслаждение от чтения.

ISBN 978-5-00-131508-7

© Джордано П., 2018
© Издательство «Синдбад», 2018

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Паоло Джордано

И даже небо было нашим

© Divorare il Cielo, Paolo Giordano, all rights reserved

© 2018, Giulio Einaudi Editore

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2023

* * *

Посвящается Розарии и Мимино, Анджели и Маргерите

Часть первая

Великие эгоисты

*Далеко то, что было, и глубоко-глубоко: кто постигнет его?
Экклезиаст¹*

1

Я увидела, как они купаются в бассейне, ночью. Их было трое – совсем юные, почти дети, как и я в то время.

Я услышала какое-то движение, но встала не сразу. В Специале меня постоянно будили по ночам непривычные звуки: стрекотание оросительной установки, визг сцепившихся на лужайке уличных котов, один и тот же не смолкавший птичий крик. В первое время, когда я жила у бабушки, мне казалось, что я совсем не сплю. Лежа в постели, я смотрела на вещи в комнате, где когда-то жил мой отец, и они то удалялись, то приближались – словно дом дышал.

Той ночью я стала прислушиваться, стараясь уловить еще звуки. Иногда подходил охранник и прибывал к двери карту, подтверждающую, что он здесь был; но он всегда делал это молча. Было жарко, я сбросила одеяло, и мои вспотевшие ноги ощутили прохладу, которой повеяло из окна.

Затем я услышала шепот и приглушенный смех. Поднялась, стараясь не наступить на прибор от комаров, светившийся голубоватым светом. Подошла к окну и глянула вниз сквозь ставни: я не успела увидеть, как мальчики раздеваются, но заметила, как они один за другим соскальзывают в черную воду.

Северный ветер улегся, стало тихо и спокойно. В свете окон первого этажа я смогла различить головы, которые шевелились: две были более темные, а третья как будто была цвета серебра. Отсюда их трудно было отличить друг от друга, все делали одинаковые круговые движения руками. Потом один притворился мертвым посреди бассейна. Я почувствовала жжение в горле, когда увидела его наготу, хоть это и была всего лишь причудливая тень, остальное дорисовало мое воображение. Он выгнул спину и перекувырнувшись, прыгнул в воду. А вынырнув, вскрикнул: приятель с серебряной головой задел его лицо локтем.

– Мне больно, придурок! – в полный голос произнес ныряльщик. Второй толкнул его воду, чтобы он замолчал. А третий прыгнул на него сверху. Сейчас будет драка, со страхом подумала я, и кто-то из них утонет. Но они посмеялись, и дело кончилось миром.

Я решила, что эти незваные гости – ребята из соседнего поместья, но я видела их редко и всегда издали, поэтому не обращала на них внимания. Бабушка называла их «парни с фермы». На долю секунды у меня мелькнула мысль спуститься и искупаться вместе с ними в этой влажной темноте; в Специале мне было так одиноко, что я была рада хоть какому-то общению. Но в четырнадцать лет не хватает смелости на некоторые поступки.

Накупавшись, они сели на край бассейна с неглубокой стороны. Теперь я видела их мокрые спины. Тот, что сидел посередине, самый высокий, вытянул руки и обхватил за шею двух других. Они говорили тихо, но не настолько, чтобы я не могла расслышать отдельные слова.

Потом раздался скрип пружинного матраса. И кашель. По полу застучали папины резиновые шлепанцы. Прежде чем я успела распахнуть ставни и крикнуть «Бегите!» – он бросился

¹ Еккл. 7: 24.

вниз по лестнице и позвал сторожа. В домике зажегся свет, и сторож Козимо появился во дворе одновременно с папой: оба с собаками.

Мальчики выскочили из бассейна, схватили разбросанную одежду. Какие-то вещи попадали у них из рук, пока они бежали по темному двору. Козимо побежал за ними с криками «Поймаю – оторву всем ноги!». Отец, чуть помедлив, последовал за ним. Я увидела, как он подобрал камень.

Из темноты донеслись крики, потом глухой стук от удара тела об ограду, лязг металлической сетки, и, один за другим, три выстрела. Сердце у меня заколотилось так, словно это я убегала, будто это меня преследовали.

Дворик опустел. Вода в бассейне еще слегка колыхалась. Прошло много времени, прежде чем отец и Козимо вернулись. Они шли рядом. Отец держался за левое запястье, под правой ладонью у него было темное пятно. Козимо посмотрел на пятно, подтолкнул отца в дверь сторожки, а сам стал подбирать одежду, которую мальчики растеряли на бегу. Потом еще раз взгляделся в темноту, поглотившую непрошенных гостей. Или, может, просто хотел удостовериться, что никто его здесь не видел, подумала я.

Что-то говорило мне: не надо ходить к сторожке, мне было стыдно, что я так долго подглядывала за голыми мальчишками, когда они резвились в воде. А вдруг кровь на руке у моего отца была не его кровью? Отец никогда не проявлял склонности к насилию, но в Специале становился другим человеком. За несколько дней он загорал до черноты, а оттого, что в разговоре переходил на диалект, у него даже менялся голос; я не понимала ни слова из того, что он говорил, мне казалось, я совсем его не знаю. В начале отпуска он сиял от счастья, но чем ближе к концу, тем более взвинченным он становился. Ему была невыносима мысль, что скоро придется уезжать.

Иногда я задавала себе вопрос: кто из этих двоих мой отец – инженер, который живет в Турине, каждый день бреется, носит костюм и галстук, или этот небритый мужчина с неухоженной бородой, объедающийся бабушкиной стряпней. Но так или иначе было ясно, что мама выходила замуж только за одного из них, а о другом и знать не желала. Она уже несколько лет не появлялась в Апулии. В начале августа, когда мы с папой отправлялись в долгое путешествие на машине на юг, она даже не выходила из своей комнаты попрощаться.

Я тоже терпеть не могла Специале, но, думаю, по другим причинам. Прежде всего потому, что я там изнывала от скуки. Отец проводил много времени с друзьями юности. Он уходил поздним утром, возвращался к обеду, после обеда долго спал громко храпя, затем уходил опять. Меня он брал с собой очень редко.

А я все время либо сидела в четырех стенах, либо выходила на наш участок, который в то время ничем меня особо не привлекал. Бабушка, устроившись на диване, читала свои любимые детективы в мягких обложках. «Гидеон Фелл и клетка смерти». «Телефон звонит ночью». «Когда Сара оделась в желтое». Я не понимала, как можно проводить столько времени на неудобном диване, где подушки то и дело выскальзывают из-под тебя. Когда она сидела в ночной рубашке до пят, поджав под себя ноги, с очками на носу, казалось, она совсем не дышит. И весь дом вокруг нее тоже погружался в спячку. Заведенный здесь порядок был словно нарочно придуман для того, чтобы каждый человек со стороны чувствовал себя лишним. В особенности это относилось ко мне.

Даже дети, которые приходили туда в послеобеденное время, выглядели испуганными. Бабушка давала уроки математики ученикам начальной школы, где раньше преподавала десятки лет. Она не брала денег за уроки; правда, ученики приносили какие-нибудь презенты, обычно контейнеры с овощным салатом на оливковом масле, которые она тут же переправляла сторожу Козимо. Урок длился час; перед тем как отпустить детей, бабушка открывала коробку с молочно-медовыми батончиками, каждый ребенок брал по одному, клал в рот и молча отдавал обратно обертку.

Год назад я попробовала взбунтоваться: сказала, ни за что на свете не поеду с папой в Специале. Все эти ссоры происходили при маме, но она не вмешивалась и не принимала ничью сторону. Думаю, ее раздирали противоречивые чувства: удовлетворение от того, что я тоже бунтую против Специале, и страх, что этот бунт лишит ее нескольких недель одиночества и свободы. В итоге отец решил уладить все разногласия, устроив во дворе бассейн. Принес каталоги, которые мы листали с ним вдвоем, предаваясь мечтам. Мы выбрали прямоугольную форму бассейна и покрытие из полихлорвинила, потому что такое сочетание было самым дешевым. Когда строитель прислал нам фотографию, мы не устояли перед искушением показать ее маме. А она сказала, что из всех капризов, какие были в моей жизни, этот самый бесполезный и дорогостоящий.

Не то чтобы она была неправа. Приехав в Специале, я сразу заметила, что бассейн на самом деле меньше, чем на фотографии. В нем нельзя было по-настоящему плавать: один-два взмаха – и ты касаешься противоположного берега; чтобы нырять, было недостаточно глубоко, да и я была уже слишком большая. Папа окунулся один раз, в первый же день, и больше уже не пробовал. Скоро мы начали ссориться из-за бассейна, потому что дно в нем все время было грязное, а вода зеленая от водорослей, которые лохмотьями плавали на поверхности. Папа научил меня измерять уровень pH и пользоваться грязеотсосом, но я так и не смогла понять, сколько порошка надо сыпать, к тому же эта работа меня слишком утомляла. Козимо с самого начала заявил, что возиться с бассейном не собирается, так что папе пришлось купить робот-очиститель. И он сердился на меня из-за этого.

На следующий день после погони, за обедом, рука у него все еще была перевязана. Бабушке он сказал, что споткнулся и упал, пытаясь вернуть на место сорочье гнездо. Мы ели молча, а потом услышали голос Козимо, который звал отца во двор. Я пошла за ним – очень не хотелось оставаться за столом с бабушкой. На пороге стояли трое мальчишек, которые забрались к нам прошлой ночью, а над ними угрожающе нависал сторож. Вначале я узнала только самого высокого – по тонкой длинной шее и голове необычной, продолговатой формы. Но мое внимание привлекли остальные двое, стоявшие у него за спиной. У одного была очень светлая кожа, а волосы и брови – белые, как вата. Другой был темноволосый, смуглый, руки до локтя исполосованы царапинами.

– А, – произнес мой отец, и на лице у него обозначилась досада. – Вы пришли забрать одежду?

Самый высокий сказал без выражения:

– Мы пришли извиниться за то, что вчера вечером зашли на вашу территорию и воспользовались бассейном. Наши родители посылают вам вот это. – И парень механическим движением протянул отцу какой-то пакетик. Отец взял его здоровой рукой.

– Как тебя зовут? – спросил он. Казалось, он немного смягчился.

У меня возникло впечатление, что мальчикам было тесно и неудобно в футболках, как будто им их надели насильно. Я обменялась долгими взглядами с одним из тех, кто стоял сзади. Глаза у него были черные-черные, чересчур близко посаженные.

– Никола, – ответил высокий.

– А их?

– Его – Томмазо, – он указал на светловолосого. – А его Берн.

Отец встряхнул пакетик, послышалось звяканье. Чувствовалось, что ему неловко стоять здесь, при свете дня, и слушать эти извинения. Козимо, напротив, выполнял свою миссию с видом глубокого удовлетворения.

– Не стоило пробираться сюда тайком, – сказал отец. – Если хотите пользоваться бассейном, просто попросите об этом.

Они не ответили. Никола и Томмазо смотрели в землю, а Берн не отводил взгляд от меня.

– Если бы с одним из вас случилась беда... Помочь было бы некому.

Белизна плит, которыми был вымощен дворик, от солнца стала слепящей.

– Козимо, мы предложили им лимонад? – сказал отец.

У сторожа сделалось такое лицо, словно он хотел спросить отца, не сошел ли тот с ума.

– Спасибо, не стоит беспокоиться, – все так же вежливо отвечал Никола.

– Если родители вам разрешат, можете каждый день после обеда приходиться купаться, – сказав это, отец на всякий случай посмотрел на меня – ведь бассейн по сути был моим. Я кивнула.

Но тут заговорил Берн:

– Прошлой ночью вы ударили Томмазо камнем в плечо. Мы вторглись на вашу территорию, это было нарушение, но вы совершили кое-что похуже – нанесли телесные повреждения несовершеннолетнему. Мы могли бы заявить на вас, если бы захотели.

Никола толкнул его в грудь локтем, но было ясно, что в этой компании у него нет никакого авторитета, он только был выше ростом, чем остальные.

– Ничего такого я не делал, – сказал отец. Он быстро глянул на Козимо. – Не понимаю, о чем вы говорите.

Я снова увидела, как он нагнулся, чтобы подобрать камень, услышала звуки, несшиеся из темноты, и крик, причину которого я тогда не поняла.

Берн повернулся к третьему мальчику, который до сих пор молчал:

– Томми, покажи, пожалуйста, синьюру Гаспарро твой синяк.

Тот попятился, но когда Берн взял его за нижний край футболки, не стал сопротивляться. Берн осторожно завернул футболку вверх, на спину, до самых лопаток. На спине кожа у Томми была еще светлее, чем на предплечьях, и на ней четко виднелся синяк размером с доннышко стакана.

– Видите? – спросил Берн. Он ткнул пальцем в синяк, и Томми отпрянул. Отец стоял словно загипнотизированный. Вместо него ответил Козимо. Он что-то скомандовал ребятам на диалекте, и они, чинно поклонившись, поспешили уйти.

– Надеюсь, ваша рука скоро заживет, – сказал Берн.

Когда они отошли достаточно далеко и оказались на солнце, я увидела, как Берн строгим взглядом изучает наш дом. Отец не вернулся за стол, а пошел к себе в комнату, поспать после обеда.

Ближе к вечеру разразился ураган. За считанные секунды небо стало фиолетово-черным – никогда еще я не видела, чтобы небо было такого страшного цвета. Шторм продолжался почти неделю, тучи набегали с моря; говорили, что в воздухе образовалось несколько смерчей, которые убили двух человек и сорвали крышу с дома на ионийском берегу. Молния ударила в эвкалипт и расщепила его, а в другой раз сожгла насос, который качал воду из колодца. Папа пришел в ярость и поругался с Козимо.

Единственным моим развлечением был плеер, но я привезла с собой слишком мало кассет, и они мне быстро надоели. Заполнить время было нечем, разве что бесконечно, до одурения, разглядывать окружающий пейзаж. Одна только бабушка была довольна: когда налетал ветер, она закрывала окна на шпингалет, заворачивалась в халат и часами, без перерыва, читала.

Когда дожди прекратились, началось нашествие лягушек. Ночью они десятками запрыгивали в бассейн, и сколько бы мы ни добавляли хлорки, их это не останавливало. До моей комнаты то и дело доносилось громкое кваканье, а потом – «плюх». Утром мы находили множество дохлых лягушек, застрявших в решетке стока, или искромсанных колесами робота-очистителя. Выжившие преспокойно плавали, некоторые парами, на спинах друг у друга.

Однажды я проснулась поздно и, выглянув в окно, увидела Берна, который суетился вокруг бассейна. Он ловил сачком лягушек – отгонял их от центра к краю, вытаскивал и пере-

кидывал в пластиковое ведро. Мой отец стоял в нескольких шагах от него и, скрестив на груди руки, наблюдал за происходящим.

Я спустилась во двор в чем была, в пижамных штанах и соломенной шляпе. Когда я появилась, папа, сразу зашел в дом, очевидно почувствовав себя лишним. Впрочем, перед этим он подошел к Берну и протянул ему денежную купюру. Берн покачал головой. Тогда папа засунул ему бумажку за резинку штанов, но Берн вернул ее.

– Почему ты не взял деньги? – спросила я, когда мы остались одни. Он был весь поглощен манипуляциями с сачком.

– А почему я должен был их взять?

– Знаешь, мой папа не дает деньги вот так легко. Никому. Мама говорит: если надо вытянуть из него деньги – поймай момент, когда его что-то отвлекает.

– Чезаре не любит, когда мы берем в руки деньги, – сказал Берн. И после паузы добавил: – «Тогда один из двенадцати пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам его? Они предложили ему тридцать сребреников».

– Что это значит?

Вместо ответа Берн скривил рот: получилась глумливая усмешка. Я заглянула в ведро. Лягушки пытались выскочить, но стенки были отвесные, и они с противным звуком шлепались друг на друга.

– Что ты с ними сделаешь?

– Выпущу.

– Если выпустишь – вечером они опять будут здесь. А Козимо травит их каустиком.

Берн с вызовом поднял на меня глаза:

– Вот увидишь, я отнесу их так далеко, что они не вернуться.

Я пожала плечами:

– Все равно я не понимаю, зачем ты делаешь эту мерзкую работу, если даже денег за нее не берешь.

– Это мое наказание.

– Наказание за что?

– За то, что пользовался вашим бассейном без разрешения.

– По-моему, вы за это уже извинились.

– Чезаре решил, что мы должны найти способ это компенсировать. Просто раньше не было случая – из-за дождей.

Лягушки в бассейне разбегались во все стороны. Но он терпеливо отлавливал их сачком.

– Кто такой Чезаре?

– Отец Николы.

– А разве он и не твой отец?

Берн покачал головой:

– Он мой дядя.

– Значит, Никола – твой двоюродный брат.

– Тонко подмечено.

– А Томмазо? Он-то, по крайней мере, твой брат?

И снова Берн покачал головой. А ведь когда они приходили к нам втроем, Никола сказал: «наши родители». Нарочно напускает туману, подумала я и решила испортить ему это удовольствие.

– Как синяк у Томмазо? – спросила я.

– Болит, если поднять руку. Но Флориана каждый вечер ставит ему компрессы из медового уксуса.

Неспроста он упомянул эту Флориану, подумала я опять. Если бы я спросила, кто это такая, он снова оставил бы меня в неведении.

– Так или иначе, ты, по-моему, был неправ, – сказала я. – Это не мой папа бросил в него камень. Скорее всего, это сделал Козимо.

Но Берн, казалось, снова целиком сосредоточился на вылавливании лягушек из бассейна. Он был босиком, в брюках, которые когда-то были синего цвета. Вдруг он сказал:

– Ты бессовестная.

– Что?

– Ты свалила вину на синьора Козимо, чтобы обелить своего отца. Вряд ли вы так много ему платите, чтобы дело стоило того.

Еще одна лягушка шлепнулась в ведро. Всего их там было, наверное, штук двадцать, не меньше, от ужаса животы у них то раздувались, то сдувались. В стороне лежали несколько дохлых.

– Странная у тебя манера разговаривать, – заметила я.

Мне хотелось как-то сгладить впечатление от этой неуклюжей лжи, и я спросила:

– Почему твои друзья не пришли?

– Потому что это была моя идея – прийти к вам в бассейн.

– У меня был одноклассник, которому нравилось брать на себя вину за все что угодно.

Однажды он попытался обвинить себя в том, что другой мальчик списал у него контрольную. Но учительница все поняла и записала ему в дневник замечание. Он чуть не расплакался. Он вообще плакал из-за каждого пустяка.

Берн не ответил, но едва заметно дернул головой; я поняла, что эта история его заинтересовала. Секунду помолчав, он спросил:

– И что с ним случилось из-за этого замечания?

– В каком смысле «что случилось»?

– Ладно. Забудь.

Я потрогала свои волосы, они были горячие. Солнце Специале поджаривало все. Однажды я оставила на перилах балкона кусок мыла, и к вечеру он растаял. Мне хотелось опустить руку в воду и смочить волосы, но в бассейне еще оставались лягушки.

Берн выловил одну и поднес сачок ко мне:

– Хочешь ее потрогать?

– Ни за что!

– Так я и думал, – сказал он с неприятной улыбкой. – Сегодня Томмазо ездил на свидание к отцу в тюрьму.

Он ждал, что эта новость произведет на меня впечатление, я догадалась об этом по тому, как старательно он несколько секунд делал вид, будто поглощен своей рыбалкой. Я никогда не общалась с людьми, у которых родители сидели в тюрьме.

– Вот как? – спросила я с притворным равнодушием.

– Он убил жену поленом. Потом хотел повеситься, но полиция успела его задержать.

Лягушки без конца прыгали на стенки ведра. Я представила, сколько там слизи, и меня чуть не вырвало.

– Ты это выдумал, да?

– Нет, не выдумал, – ответил Берн. – Вообще-то он не собирался ее убивать, хотел только напугать.

– То есть сейчас, в этот самый момент Томмазо... находится внутри тюрьмы?

– Иногда отцу разрешают день побыть на свободе. В такие дни он ездит с Томмазо к морю, в Спеккьоллу. Но сегодня ветер в сторону Адриатики, так что они могли остаться дома.

Берн повертел в руках ручку сачка. В воздухе разлетелись брызги.

– Томми не хочет туда ездить. Но Чезаре всякий раз заставляет его.

Наконец он поймал последнюю лягушку, за которой пришлось гоняться дольше всего. Он немного согнул колени, чтобы не поднимать сачок слишком высоко.

– А твои родители? – спросила я.

Лягушка выскочила из сачка и вмиг оказалась в самом глубоком месте бассейна. Оттуда ее нельзя было достать.

– Черт! – выругался Берн. – Видишь, что ты наделала? Пакостница!

У меня лопнуло терпение:

– Что это значит – «пакостница»? Ну и словечко! Зря ты на меня разозлился, это ведь не я ушибла твоего брата, или друга, или кто он там тебе!

Я хотела повернуться и уйти, но Берн впервые серьезно посмотрел на меня. Посмотрел внимательным, изучающим взглядом, как будто только что увидел. Он слегка косил, от этого его взгляд делался цепенящим.

– Прошу тебя принять мои извинения, – сказал он.

– Просишь меня принять... Опять ты странно разговариваешь?

– Ну, так прости меня еще и за это.

Сейчас в его голосе не было ни малейшей иронии. А лицо выражало искреннее сожаление и в то же время какое-то простодушие. Я наклонилась над бассейном, чтобы посмотреть, куда спряталась лягушка.

– Что это за черные нити?

Я была немного взволнована, как неделю назад, когда стояла за спиной папы, а Берн глядел на меня.

– Лягушачья икра. Лягушки приходят сюда метать икру.

– Какой ужас.

Но Берн понял меня по-своему.

– Да, ужас. Вы не только убиваете самих лягушек, вы уничтожаете икру. А ведь внутри каждой икринки – крохотное живое существо. Ваш бассейн превратился в братскую могилу.

Позже я устроилась полежать у края бассейна, но было два часа, самое жаркое время дня, и долго я не выдержала. Надо было чем-то заполнить время, и я спросила у бабушки, какой из ее детективов она посоветует мне почитать. Бабушка велела взять на полке любой, – они все хорошие. Я выбрала «Смертельное сафари», но история оказалась очень скучной и усложненной, я запуталась в именах и персонажах и скоро отложила книгу. Какое-то время я смотрела в никуда, а потом не смогла удержаться и спросила бабушку, что ей известно о парнях с фермы. Она заворочалась на диване, недовольная тем, что ее оторвали от чтения.

– Они слишком часто меняются, – сказала она. – Одни появляются, другие исчезают. Только несколько человек живут постоянно.

– Кто, например?

– Тот, кто сегодня чистил бассейн, живет там уже несколько лет. И еще альбинос крутится тут какое-то время. Его проще всех узнать.

– Чем они занимаются?

Бабушка взглянула на меня поверх раскрытой книги.

– Надо думать, ждут, когда родители заберут их отсюда. Или кто-нибудь другой заберет. И отложила книгу, как будто я испортила ей удовольствие от чтения.

– А пока они молятся. Они еретики. Ты, наверное, даже не знаешь, кто такие еретики?

Я придумала какой-то повод, чтобы выйти из комнаты. И на меня хлынул поток безжалостного послеполуденного света. Я прошла через двор и вскарабкалась по камням, которые служили ему границей. Затем какое-то время шла вдоль сетчатой ограды. Обнаружила место, где через нее перелезли мальчишки: сетка была примята наверху и деформирована посередине, как будто кто-то с размаху ударился об нее. По ту сторону ограды тоже росли деревья, ненамного выше наших, с менее ухоженными кронами. Я наклонилась, пытаюсь разглядеть ферму, но она была слишком далеко.

Утром, перед тем как уйти, Берн предложил мне участвовать в погребении лягушек. Он ушел, неся в одной руке ведро с живыми, а в другой мешок с мертвыми. После стольких часов, проведенных на солнце, он совсем не вспотел.

С тех пор как дочь Козимо стала жить с мужем в Голландии, ее велосипед стоял у сарая с инвентарем, и я могла брать его, когда захочу. Но я еще ни разу им не пользовалась. Я попросила Козимо накачать шины, и через час велосипед ждал меня во дворе, смазанный маслом и сверкающий.

– Куда собралась? – спросил сторож.

– Просто покататься вокруг, вдоль подъездной дороги.

Я дождалась, пока у отца закончится послеобеденный сон и он отправится на какую-то очередную встречу, – и уехала. Въезд на ферму был с противоположной стороны от дороги, мне надо было объехать ее кругом либо перелезть через ограду и пройти полем – таким же способом мальчишки пробрались в прошлый раз на наш участок.

Пока я ехала по шоссе, совсем близко от меня проносились грузовики. Я положила плеер в багажник, и мне все время приходилось наклоняться к переднему колесу, потому что провод на наушники был слишком короткий. Два или три раза я чуть не потеряла равновесие.

У фермы не было настоящей ограды, только железная решетка, которая оказалась открыта. Я слезла с велосипеда и вошла. Подъездная дорога заросла травой, и ее края не были четко обозначены, так что ее форму должны были сами определять проезжавшие по ней машины. Мне понадобилось всего пять минут, чтобы дойти до дома.

Мне уже доводилось видеть фермы, но эта была непохожа ни на одну из них. Только средняя часть дома была каменной, остальные, прилепившиеся к ней по бокам, – деревянными и более новыми, трубы и электропровода – все разного цвета. У нас дворик перед домом был аккуратно выложен каменными плитами; здесь же – просто площадка, залитая цементом, который весь растрескался.

Прислонив велосипед к бедру, я немного покашляла, чтобы привлечь к себе внимание. Никто не вышел. Тогда я сделала несколько шагов в сторону, чтобы укрыться от солнца под навесом. Дверь дома была распахнута настежь, но у меня не хватило духу войти. Вместо этого я обошла вокруг стола, покрытого полиэтиленовой скатертью с изображением карты мира. Смахнув ладонью несколько крошек, я стала искать на карте Турин, но его там не оказалось. Затем я подошла к садовым качелям. Подушки на них совсем выгорели. Я вспомнила, как рассердилась бабушка, когда Козимо вынес из сторожки во двор ее пестрые шезлонги.

Я прошла вокруг дома, искоса посматривая на окна, но контраст между ярким светом снаружи и темнотой внутри был слишком резким, чтобы хоть что-то разглядеть. За домом я увидела Берна: он сидел в углу, в тени, на скамеечке, наклонившись. В таком положении стали видны его позвонки, которые прорисовали у него на спине что-то вроде горба. Вокруг Берна громоздились горы миндаля, его было столько, что, если бы я улеглась сверху, раскинув руки, то погрузилась бы в него целиком.

Берн не замечал меня, пока я не оказалась прямо перед ним, но даже в этот момент вроде бы не удивился.

– А вот и дочка метателя камней, – пробормотал он.

Мне стало не по себе, в животе заныло.

– Меня зовут Тереза.

За все время, что мы с ним сегодня утром провели в нашем дворике, он даже не спросил, как меня зовут. А сейчас он равнодушно кивнул, как бы принимая это к сведению.

– Чем ты занимаешься?

– Не видишь?

Он набирал миндальные орехи в горсть по четыре-пять штук, счищал зеленую кожуру и бросал их в кучку. Скорлупа ударялась о скорлупу с легким цоканьем.

- Ты что, собираешься очистить все эти орехи?
- Конечно.
- Ты с ума сошел. Их же, наверно, тысячи.
- Могла бы помочь. Торчишь тут без дела.
- А куда мне сесть?

Вместо ответа Берн пожал плечами. Тогда я уселась на землю, поджав под себя ноги.

Мы начали чистить орехи от кожуры вдвоем и занимались этим достаточно долго, но гора миндаля никак не уменьшалась. Это было бессмысленное занятие. Судя по количеству миндаля, которое Берн успел очистить, он сидел тут уже несколько часов. Всякий раз, как я поднимала на него глаза, у него был все такой же сосредоточенный вид.

- Как ты копаешься, – сказал он вдруг.
- Так я это делаю первый раз в жизни!
- Не имеет значения. Просто ты копуша, вот и все.

Я решила обидеться и под этим предлогом бросить работу.

- Ты сказал, мы будем хоронить лягушек.
- Я сказал, это будет в шесть.
- А я думала, сейчас уже шесть, – соврала я.

Берн взглянул на солнце, словно по его положению на небе мог определить, который час. Затем покрутил головой, чтобы расправить затекшую шею, и бросил в кучу еще горсть очищенных орехов.

Я лениво протянула руку, чтобы тоже взять горсть. Можно было чистить быстрее, но тогда кожура забивалась под ногти.

- Ты один собрал все эти орехи?
- Да, все.
- И что собираешься с ними делать?

Берн вздохнул:

– Завтра приезжает мама. Она очень любит миндаль. Но чтобы как следует высушить орехи на солнце, нужно по крайней мере два дня. А потом их еще надо расколоть, это дольше всего. Времени осталось мало, я должен управиться до конца завтрашнего дня.

- Это вряд ли получится.
- Получится, если ты мне поможешь. Ты будешь очищать их от кожуры, а я колоть.
- Хочешь, чтобы завтра я опять пришла и помогла тебе?

Берн согнулся еще больше. Теперь я с трудом могла различить под свесившимися волосами его нос.

- В это время дня я тут один, – сказал он.

Потом мы долго работали молча, не глядя друг на друга. Слышно было только, как падают в кучу очищенные от кожуры орехи. Цок. Цок. Цок.

Наконец, Берн выпрямился, потянулся, и окинул взглядом оливковые, миндальные и черешневые деревья вокруг. Он удивлялся, как будто видел их впервые.

– Какое богатство, правда? – сказал он. Я не нашлась, что ответить: мне это никогда не приходило в голову.

Потом появились его друзья, или сводные братья, или кто они там были.

- А она что тут делает? – спросил альбинос.

Берн встал, готовый заступиться за меня.

- Она пришла на похороны лягушек.

Никола, не такой агрессивный, протянул мне руку и представился, видимо считая, что я не запомнила, как его зовут. Я пыталась определить, который из троих изображал в бассейне покойника. Увиденное той ночью словно давало мне перед ними незаконное преимущество.

Томмазо сказал:

– Там все готово, шевелитесь, – и пошел, не дожидаясь нас.

Мы последовали за ним. Он привел нас к костру.

– Иди сюда, дорогая, мы тебя ждали, – сказал человек, стоявший у костра. – Я – Чезаре.

В одной руке он держал книжечку в красном переплете, в другой – кропило. На плечи был накинут черный шарф с двумя вышитыми золотом крестами на концах. У его ног были выкопаны пять маленьких, неглубоких ямок. Там уже лежали мертвые лягушки.

Чезаре начал терпеливо объяснять мне, что происходит. Глаза у него были голубые, очень светлые, почти прозрачные.

– Люди хоронят своих мертвецов, дорогая Тереза. Так было всегда. С этого начиналась наша цивилизация, это обеспечивает переход душ в их новое вместилище. Или к Иисусу, если их жизненный цикл завершился.

Когда он произнес «Иисус», все дважды перекрестились и поцеловали ноготь большого пальца. Тем временем к костру подошла женщина и, прежде чем занять положенное ей место, погладила меня по щеке, как будто знала всю жизнь.

– Тереза, ты знаешь, что такое душа? – спросил Чезаре.

– Может, и нет.

– Видела когда-нибудь растение, которое умирает? Возможно, от жажды?

Я кивнула. У наших соседей в Турине на балконе завяла кензия: хозяйева уехали в отпуск, а о ней забыли.

– В какой-то момент листья сворачиваются, – продолжал Чезаре, – ветки никнут, растение превращается в призрак самого себя. Жизнь уже покинула его. То же происходит и с нашими телами, когда их покидает душа. – Он чуть наклонился ко мне. – Но есть кое-что, чему тебя не учили на уроках катехизиса. Мы не умираем, Тереза. Потому что наши души перемещаются. Каждый уже успел прожить множество жизней и проживет множество других, воплотившись в мужчину, женщину или животное. В том числе и эти бедные лягушки. Вот почему мы хотим похоронить их. Это ведь недорого стоит, верно?

– Нет. Думаю, недорого.

– Флориана, начинай.

Женщина взяла гитару, до этого стоявшую у ее ног. На гитаре не было шнурка, повесить ее на шею было нельзя, поэтому, чтобы играть, женщине пришлось опереть ее о согнутую в колене ногу. Стоя в этой неудобной позе, она взяла несколько аккордов. Потом негромко запела.

Через несколько секунд остальные стройно и слаженно подхватили песню. Они пели громко. Голос Чезаре, глубокий, чуть хриловатый, словно управлял голосами мальчиков. В песне говорилось о листе и о благодати, о солнце и о благодати, а еще о смерти и благодати. Берн, единственный из всех, пел, закрыв глаза и чуть подняв подбородок к небу. Он пел во весь голос, не стесняясь, сколько хватало дыхания. Мне хотелось бы послушать, как он поет соло, пусть только на секунду. Потом все, кроме женщины, взяли за руки. Чезаре, стоявший слева от меня, протянул руку и мне. Я не знала, как мне быть с Флорианой, ведь у нее руки были заняты. Потом увидела, что Томмазо положил руку ей на плечо, и, чтобы замкнуть круг, сделала то же самое. Флориана мне улыбнулась.

Они были еретики.

Лягушки были окоченевшие, засохшие, и мне казалось невероятным, что в этих студенистых брюхах могла быть душа. Интересно, по мнению Чезаре, она была еще в них или уже успела перелететь куда-то?

Когда припев надо было повторить в третий раз, я уже смогла спеть его с некоторыми словами. По-моему, они нарочно повторили его несколько раз, чтобы я запомнила его и смогла спеть целиком. Берн плакал – или, быть может, это тень от волос, падавшая на его лицо, ввела меня в заблуждение?

После песни Чезаре открыл книжечку и прочел два псалма. Я не привыкла к молитвам; когда-то, во время подготовки к первому причастию, я ходила на мессу вместе с родителями; но с тех пор мы к церкви и близко не подходили.

Лягушек благословили, потом мальчики руками наполнили ямки землей.

– Нам надо о многом поговорить, – сказал Чезаре, прежде чем уйти. – Приходи к нам еще, Тереза, я буду тебе очень признателен.

Он предложил Берну проводить меня до ограды.

Мы шли по подъездной дороге, Берн катил мой велосипед, придерживая его за руль.

– Понравилось тебе? – спросил он.

Я ответила «да», главным образом из вежливости. И только потом поняла, что это была правда.

– Я не упрекаю тебя за принесенные тобой жертвы, – сказал Берн, – твои всеожжения все еще у меня перед глазами.

– Что?

– Я не возьму тельцов из дома твоего, не возьму козлят из твоего хлева. – Он повторял одну из молитв, которые недавно прочел Чезаре. – Я знаю всех птиц небесных, и все, что резвится в полях, – мое... Это мой любимый стих, – пояснил он. – «Все, что резвится в полях, – мое».

– Ты его знаешь наизусть?

– Некоторые я выучил, но пока еще не все, – уточнил он, как бы извиняясь.

– А почему?

– Времени не было!

– Нет, я хотела спросить, почему ты учишь их наизусть? Для чего это нужно?

– Псалмы – единственный вид молитв, единственный, который угоден богу. Те молитвы, которые ты бормочешь по вечерам, ничего не стоят. Бог даже не слушает их.

– Это ты узнал от Чезаре?

– Мы всё узнаём от него.

– И вы трое даже не ходите в нормальную школу?

Берн прокатил колесо велосипеда по камню, цепь затряслась.

– Осторожно! – крикнула я. – Козимо только-только его починил.

– Чезаре знает много больше того, чему учат в нормальных школах, как ты их называешь.

В молодости он был исследователем. Жил в Тибете, в пещере, один, на высоте пять тысяч метров.

– Почему в пещере?

Но Берн меня не слушал.

– Он считает, что в какой-то момент перестал чувствовать даже холод, мог находиться на двадцатиградусном морозе без одежды. И почти ничего не есть.

– С ума сойти.

Берн пожал плечами, как будто желая сказать: да нет же, что тут особенного?

– А еще он там открыл метемпсихоз.

– Открыл что?

– Переселение душ. Об этом часто идет речь в Евангелии. От Матфея, например. Но чаще всего – от Иоанна.

– И ты правда в это веришь?

Берн ответил вопросом на вопрос:

– Что ты хотела этим сказать?

– Я спросила просто так, из любопытства.

Он строгим, испытующим взглядом посмотрел на меня:

– Готов поспорить: ты не прочла в Библии ни одной страницы.

Он вдруг остановился. Мы были у ограды. Он отдал мне велосипед, что-то пробормотал и побежал домой.

На следующий день, когда я пришла, Берн все еще чистил миндаль. У него был наклеен пластырь между большим и указательным пальцами. Он сказал, что колот орехи допоздна, и не заметил, как поранился.

Я села на землю, как накануне, и стала помогать ему. Он искоса поглядывал на меня, следя за моими движениями.

– Ты слушала музыку? – спросил он.

– Да, новую песню *Roxette*. Она тебе нравится?

– Да.

Но мне казалось, что это неправда, что он не знает эту песню, что он даже не знает, кто такие *Roxette*. В самом деле. Чуть погодя он спросил:

– Дашь мне попробовать?

– Что попробовать?

– Послушать то, что слушаешь ты.

Я встала, взяла из корзинки плеер и подала ему. Он надел наушники, стал вертеть аппарат в руках.

– Надо нажать «play», – сказала я.

Не глядя на меня, Берн кивнул. Он еще раз осмотрел плеер со всех сторон, затем нервным движением снял наушники и отдал всё мне.

– Не стоит.

– Почему? Я объясню тебе, как...

– Не стоит. Ты не против заняться чем-то другим?

Берн вскочил на ноги, и колени у него хрустнули, как сломанные ветки. Казалось, его самого удивил этот звук.

– Идем со мной. И смотри, не поломай олеандры.

Пробравшись через заросли, он зашагал к полям. Я шла на несколько метров позади. Мы дошли до большого дерева, в ветвях которого было устроено что-то вроде шалаша или маленькой хижины.

– Вот, погляди.

Он объяснил мне, что эта хижина у них вроде штаба, где они собираются втроем, но когда я спросила, можно ли мне забраться туда вместе с ним, ответил:

– Нет. Остальные были бы против. Идем дальше.

Мы пробрались через колючий кустарник и оказались еще на одном склоне, где росли столетние оливы. Однажды, когда мы с отцом ехали к морю, он сказал мне, что одно такое дерево стоит несколько миллионов, поэтому их крадут – выкапывают из земли и увозят за сотни километров отсюда, на север. Я рассказала об этом Берну, гордая тем, что могу поделиться такой информацией, но Берн не проявил к ней никакого интереса.

А он, со своей стороны, продемонстрировал, что умеет разглядеть в каждом стволе какой-то силуэт, в основном фигуры животных: в одном он видел шимпанзе, в другом – кабана, в третьем – горностаю. Он хотел, чтобы и я их увидела, но у меня не получалось. Зато я четко различила у основания одной ветки смеющееся детское личико – широко открытый рот, язык, глаза, круглые щеки.

– Ты права, – не без зависти признал Берн, – а я не обратил на него внимания.

Мы прошли еще некоторое расстояние, не напрягаясь, без определенной цели. В какой-то момент Берн начал говорить. Он знал названия множества цветов и растений, которые не привлекли бы моего внимания, и знал, какие из них съедобны, а какие нет. Все эти объяснения показались бы мне до смерти скучными, если бы исходили от кого-то другого. Но с Берном дело обстояло иначе.

Мы нашли большой куст ежевики. Берн сорвал несколько ягод, стер с них налет и протянул мне. Затем его вдруг охватило чувство вины из-за того, что мы с ним прервали работу. Мы бегом вернулись к горам миндальных орехов. К тому времени, как я собралась домой, мы очистили их все, до последнего. Без кожуры и скорлупы орехи занимали куда меньше места.

Несколько дней я старалась держаться подальше от фермы. Я испытывала странное чувство – томление: раньше со мной такого не бывало. Одно утро целиком ушло на сборы: предстоящая ночь была последней перед нашим с отцом отъездом из Специале.

В день отъезда, после обеда, я взяла велосипед и поехала к Берну – но его не было. Я дважды объехала вокруг дома, шепча его имя. Орехи лежали там, где мы их оставили, сушились на солнце. Во дворе, растянувшись на цементе, спали два разомлевших от жары кота. Я села на садовые качели и слегка оттолкнулась. В этот момент кто-то вполголоса позвал меня.

– Ты где?

Я подняла глаза и в одном из окон второго этажа увидела Берна.

– Подойди ближе, – сказал он.

– Почему не спускаешься?

– Не могу встать с постели. Спина не слушается.

Я подумала о долгих часах, которые он просидел, сгорбившись над кучей орехов, о том, как два дня назад у него хрустнули колени. Поколебавшись, я спросила:

– Можно я поднимусь?

– Лучше не надо. Чезаре разбудишь.

Я чувствовала себя дурой: стою и разговариваю с окном.

– Вечером я уезжаю.

– Куда?

– Домой. В Турин.

Секунду-другую помолчав, Берн произнес:

– Счастливого пути.

К моей ноге подполз какой-то жук, я наступила на него. Интересно, его они тоже похоронят, если найдут? Они же ненормальные! Что я вообще тут делаю?

– Я хотела оставить тебе кое-что, – сказала я.

Может быть, зимой за Берном придет кто-то из родных, например мама, и я его больше не увижу. Они то появляются, то исчезают, сказала бабушка. Лучше уж мне уехать отсюда прямо сейчас. Я подняла с земли велосипед, села на него, и тут Берн снова позвал меня.

– Что еще?

– Можешь взять орехи и отвезти их с собой в Турин.

– А что? Твоей матери они не понадобились?

Я нарочно старалась быть грубой, и, по-видимому, мне это удалось. Берн на мгновение задумался:

– Возьми, сколько захочешь. Положи их в корзинку на багажнике.

Я в нерешительности несколько раз дергала тормоз, потом отпустила. Наконец слезла с велосипеда и подошла к кучке миндаля. Я сама не понимала, зачем я это делаю, не знала, как объяснить отцу, откуда взялись орехи, и абсолютно не представляла, что с ними делать. На тот момент план был следующий: спрятать их в чемодан, а дома переложить в коробку, которую я спрячу под кровать. Время от времени я буду открывать коробку, просто чтобы порыться в ней, перебирая пальцами орехи.

Я набила орехами карманы, затем, пригоршню за пригоршней, доверху наполнила багажник. А в оставшейся кучке спрятала плеер, предварительно приклеив полоску яркого скотча на клавишу «play». И быстро уехала.

Был уже март, или даже февраль, когда мама обнаружила орехи. Пока я была в школе, она решила навести порядок у меня в комнате. Ей все время хотелось что-то переставлять, выбра-

сывать, освобождать место. Она поставила коробку на кровать, и когда я вернулась и увидела ее, у меня было чувство, что я оставила без внимания что-то важное. Я открыла коробку: она была пуста. Мама сказала, что среди орехов были дохлые насекомые, поэтому она все вывалила в мусорное ведро. Я не особенно расстроилась. Но все же провела пальцем по дну коробки, где осталась мелкая пыль, и проглотила ее со слюной. Она не была сладкой, у нее вообще не было вкуса, но на мгновение я снова увидела Берна, героически сражающегося с миндальной кожурой. И до конца дня не могла думать ни о чем другом.

Тот день был исключением. В эти первые годы ближе к весне Специале и ферма становились все более призрачными. Я вспоминала о них только в августе, когда пора было ехать на юг. А Берна и остальные – они тоже забыли меня? Этого я не знала. Но если они и ощущали мое отсутствие, то, во всяком случае, никак этого не проявляли. Когда мы встречались после годичной разлуки, то не гладили друг друга по щеке или по руке, не спрашивали, как прошли эти долгие месяцы. Подобные условности были им глубоко чужды. Для них я была всего лишь некоей частью природы, явлением, которое возникало и исчезало в зависимости от времени года, и о котором не имело смысла задавать слишком много вопросов.

Когда я узнала о них больше, то поняла, что их время протекало иначе, чем мое, или, точнее, не протекало, а двигалось по замкнутому кругу. Утром – три часа учебы (литература, ботаника, религия, грамматика, латынь), после обеда – три часа физического труда. И так каждый день, кроме воскресенья. Этот ритм не нарушался даже в августовскую жару. Вот почему я старалась не приходить на ферму в первой половине дня: не хотелось присутствовать на уроках Чезаре, которые обладали особым свойством: на них я чувствовала себя душой. Он говорил о мифах о сотворении мира, о прививке черенками или о прививках фруктовых деревьев в расщеп, описанных в «Махабхарате».

Но, помимо собственной системы обучения, на ферме были и другие странности. Во-первых, здесь много молились: получасовая молитва на рассвете и на закате, а также короткая благодарственная молитва перед едой. Затем благословения и погребения: все, что рождала земля, после сбора следовало благословить, а каждое живое существо, найденное мертвым, – предать погребению. Щиколотки у мальчиков распухли от укусов насекомых: их запрещалось убивать. Помню, с каким ужасом все уставились на меня, когда я инстинктивно прихлопнула комара, и на колене у меня осталась алая капля. Чезаре наклонился, подобрал сплющенное тельце и бросил его в пламя свечи.

Иногда кто-то из мальчиков уходил с Чезаре. Они усаживались в тени старой лиственницы и разговаривали. Вообще-то говорил в основном Чезаре (как и в других случаях), а Берна, или Томмазо, или Никола только двигали головой вверх и вниз. Однажды он сказал: если захочешь побеседовать со мной – пожалуйста. Я поблагодарила, но у меня так и не хватило смелости хоть раз уединиться с ним под деревом.

Постепенно, год за годом, я превратилась в одну из его подопечных. Так было в каникулы после первого класса лица, и после второго. Папа и бабушка радовались, что я завела друзей. В благодарность за гостеприимство я помогала на ферме, как могла. Собирала инжир и помидоры, вырывала пучки травы, выросшие на дороге; а еще научилась сплести сухие ветки, чтобы делать из них гирлянды. Получалось это у меня неважно, однако меня никто не ругал. Когда гирлянда, которую я плела, безнадежно запутывалась, Берна и Никола приходили мне на помощь. Они расплетали ветки, пока не добирались до места, где я сделала ошибку, и указывали мне на нее. Потом в сотый раз объясняли, в каком порядке надо переплести ветки, вот этот хвостик сначала кладется вниз, потом посередине, теперь затяни и начинай снова. Сами они могли бы делать это с закрытыми глазами, плести гирлянды километрами, до бесконечности. Только это было ни к чему: готовые гирлянды сразу же сжигались. Когда я спросила Берна, зачем они тратят столько времени на плетение гирлянд, он ответил:

– Из смирения. Это просто упражнение.

Работа на огороде шла неплохо – как и выпалывание травы на дороге, – хотя у этого весьма утомительного занятия опять-таки не было конкретной цели, кроме проявления смирения по отношению к природе и по отношению к Богу. Потому что здесь, на ферме, каждое слово, каждый жест, каждый обычай были обращены к природе, а через природу – к Богу.

Как-то вечером мы собрались в виноградной беседке; гроздь черного винограда свешивались нам на головы. Никола разводил огонь в жаровне, а другие ребята относили посуду на кухню. Я едва притронулась к еде: на ферме все были вегетарианцами, а мне в то время из растительной пищи были по вкусу только помидоры, но уж никак не те странные овощи, которые готовила Флориана. Однако я не против была остаться голодной, лишь бы побыть еще в этом тихом уголке, вдали от всего, рядом с Берном, у очага.

Когда мы снова заняли свои места, Чезаре начал рассказывать, как ему в двадцать лет впервые было видение его предыдущей жизни.

– Я был чайкой, – сказал он, – или альбатросом. В общем, существом, которое живет в воздухе.

У меня было впечатление, что все они слышали эту историю десятки раз, но слушали ее с напряженным вниманием. Чезаре рассказал, что в одном из своих вещих снов долетел до берега озера Байкал. Он предложил нам найти это озеро на карте, нарисованной на клеенчатой скатерти, которой был накрыт стол. Мальчики мигом смели со стола остатки трапезы и принялись обшаривать континенты в поисках озера Байкал.

Никола первый закричал:

– Нашел! Вот оно!

В награду Чезаре налил ему немного домашней наливки. Никола с торжествующим видом пригубил из рюмки, а Берн и Томмазо расстроились. Особенно Берн. Он сверлил взглядом пятнышко, обозначающее озеро Байкал, и как будто хотел запомнить все названия на этой карте.

Потом Флориана принесла мороженое, и в беседке вновь воцарился мир и покой. Чезаре опять стал рассказывать о прошлых жизнях, на этот раз – мальчиков. Не помню, что он говорил про Николу; Томмазо, как он утверждал, прежде был котом, а в крови Берна сохранились следы его прошлого подземного существования. Настала моя очередь.

– А ты, дорогая Тереза?

– Я?

– Как по-твоему, каким животным ты была в прошлой жизни?

– Не знаю.

– Попробуй представить себе. Смелее.

Все глядели на меня.

– Ничего в голову не приходит.

– Тогда закрой глаза. И назови первое, что увидишь.

– Но я ничего не вижу.

Все были разочарованы.

– Простите, – пробурчала я.

Чезаре наблюдал за мной, сидя по другую сторону стола.

– Думаю, я знаю, – произнес он. – Тереза долго находилась под водой. И научилась дышать без кислорода. Не так ли?

– Рыба! – воскликнул Никола.

Чезаре смотрел на меня так, словно его взгляд проникал сквозь мое тело и сквозь мое время.

– Нет, не рыба. Потому что Тереза вышла из воды, и у нее хватило мужества поселиться на земле. В крайнем случае, она – амфибия. Сейчас мы это проверим.

Мальчики сразу оживились.

– На счет «три» задержите дыхание. Посмотрим, кто из вас выдержит дольше.

И он медленно начал считать, глядя по очереди на каждого из нас. На счет «два» я надула щеки воздухом и застыла. Мы с мальчиками сидели и переглядывались, но никто не прыснул от смеха, когда Чезаре, проходя между стульями, подносил палец к ноздрям каждого из нас, чтобы проверить, не жульничаем ли мы.

Первым не выдержал Никола, который от злости вскочил и убежал за дом. Чезаре не удостоил его внимания. Следующим стал Берн. Тогда Чезаре встал между мной и Томмазо, по очереди контролируя каждого из нас. У меня начало раздуваться горло, но Томмазо (у него на бледной шее выделялся ярко-лиловый синяк) открыл рот на долю секунды раньше.

– А что я вам говорю? – прокомментировал Чезаре.

Тем временем снова появился Никола. Он стоял на пороге дома, наблюдая за происходящим. В награду за победу Чезаре поднес мне рюмку наливки. Я медленно выпила и ощутила крепость напитка, только когда он дошел до желудка. Остальные смотрели, как я пью, и все это было так серьезно, так торжественно. Слово в этот момент меня окончательно признали почетным членом семьи, первой сестрой среди трех братьев. Я не объяснила свое преимущество тем, что долго тренировалась в бассейне, задерживая дыхание. Гораздо интереснее было верить в мою прошлую жизнь, когда я была вроде тех лягушек, которых мы два года назад зарыли во влажную землю. Я сама могла выбирать, во что мне верить. До того как попасть сюда, я этого не сознавала.

Потом пришла Флориана с гитарой. Вечером всегда наступало время пения. Я слушала и смотрела на мошек, которые вились вокруг лампочки, висевшей под навесом беседки. Кроме этой лампочки, никакого освещения за пределами дома не было. В такие ночи мне всерьез думалось, что внешний мир заканчивается в нескольких десятках метров отсюда, у асфальтированной дороги; что ни городов, ни телевизоров, ни школ – всего того, чему была подчинена моя жизнь в остальные месяцы года, больше не существует. Только семена перечного дерева, начинавшие розоветь, только количество плодов, вызревавших на той или другой оливе. Только мы и наше чудесное время.

Но уже тогда я должна была заметить смутное чувство неудовлетворенности, которое примешивалось ко всему, и главным источником которого был Берн. Я должна была догадаться, как он страдает от того, что не делал, не видел, не испытывал столь многого, существующего за пределами фермы.

Однажды он захотел дать мне почитать одну книгу. По его словам, она очень взволновала его и ему даже показалось, что речь там идет о нем самом. Когда я взяла книгу, то почувствовала, что он смотрит на меня как-то по-другому, словно перед ним глыба мрамора, и спрашивает себя, стоит ли высекать из нее статую, выдержит ли она превращение или окажется для этого слишком хрупкой.

Придя домой, я положила «Барона на дереве» на комод. Очевидно, бабушка его заметила.

– Тебе задали по внеклассному чтению Кальвино?

– Нет.

– Так ты сама его выбрала?

– В общем, да.

– Трудновато тебе будет его читать.

Я взялась за чтение, но уже после двух глав заснула. В последующие несколько дней я брала книгу с собой повсюду, во дворик, в бассейн, но почему-то не открывала ее. Вечером, в постели, я снова пробовала читать, но внимание тут же рассеивалось.

Через неделю Берн спросил, понравилась ли мне книга. Мы с ним в этот момент шли по подъездной дороге.

– Я еще не дочитала, – соврала я.

– Но ты уже дошла до Джан Дель Бруги? Это моя любимая часть.

– По-моему, еще нет. Но скоро дойду.

Ночь была влажной и тихой, откуда-то издалека, наверное из дискотеки, доносилась музыка.

– А до качелей? До этого места ты точно уже должна была дочитать.

– По-моему, нет.

– Так ты даже не начинала! – разозлился он. – Сейчас же верни книгу!

Он дрожал всем телом. Я умоляла его оставить мне книгу еще на несколько дней, но он потребовал, чтобы я сию же минуту сходила за ней. Когда я принесла книгу, он схватил ее, прижал к груди и, не попрощавшись, ушел. Глядя, как он исчезает в темноте, я ощутила грусть – то ли потому, что Берн так обошелся со мной, то ли потому, что эта книга так много значила для него. Быть может, в этот момент к моей грусти уже примешивалось иное чувство, похожее на сильную привязанность. По сути, в этом-то и заключалась проблема: когда дело касалось Берна, я так и не научилась отделять первое из этих чувств от второго.

А потом настало следующее лето. Мне было семнадцать, Берну несколько месяцев назад исполнилось восемнадцать. Недалеко от фермы были тростниковые заросли; в этом месте пробивалась наверх вода подземного источника, которая растекалась ручьем, а немного подальше снова уходила под землю. От фермы до зарослей было десять минут ходьбы через оливковую рощу. Берн привел меня туда в самые жаркие часы дня, когда остальные спали. С самого начала это были наши с ним тайные часы.

Я не была уверена, что заросли находятся на земле, принадлежащей Чезаре; во всяком случае, по дороге туда мы не встречали ничего похожего на границу земельного владения. По моим сведениям, в радиусе нескольких километров не было другого такого тенистого и прохладного места, таких высоких и густых побегов бамбука. Мы ложились на землю, и я закрывала глаза, – солнце ослепляло меня. Вдруг красный цвет у меня под веками потускнел, я подумала: облако закрыло солнце, но, открыв глаза, увидела лицо Берна, оно было совсем близко. Он дышал немного чаще обычного и серьезно смотрел на меня. Думаю, он получил от меня какой-то едва заметный сигнал, означавший согласие, потому что он наклонил голову, чтобы поцеловать меня.

В тот день я позволила ему гладить мне лицо и бок, пока мы целовались, – и ничего больше. Но в Специале мы ходили почти совсем раздетые, и заросли были так далеко от внешнего мира. Никто не мог видеть, чем мы там занимаемся. И мы снова пришли туда на завтра, потом послезавтра, потом на следующий день, и каждый раз позволяли себе немного больше.

Земля по берегам ручья была влажной и мягкой, и тело Берна на моем теле тоже казалось мне слепленным из глины. Одной рукой я держалась за его спину, другой вцеплялась в землю, натываясь на камни и червяков. Время от времени я смотрела вверх: стебли тростника, казалось, были высотой в сотни метров, верхушки колыхались от ветра.

Тогда, в августе, Берн исследовал каждый мускул, каждую складочку моего тела, сначала пальцами, потом языком. Я сжала в руке его горячий отвердевший член, первый раз мне пришлось самой ввести его себе между ног, потому что его как будто парализовал страх. Временами я была такой отупевшей, пьяной от возбуждения, что уже не понимала, где его голова, его рот, его пальцы, его член. Мне казалось, будто я стала крошечной, будто Берн растер меня на мелкие комочки, как эту почву под нами, чтобы затем создать заново. Я никогда раньше не была с мальчиком, и в одно это лето Берну досталось все целиком.

Потом он руками отирал с меня пот. Дул на мой разгоряченный лоб, чтобы освежить меня, и в его дыхании я улавливала два запаха, его и мой, слившиеся воедино. Он смачивал костяшки пальцев слюной и оттирал пятна земли с кожи, по одному вынимал из волос застрявшие листья. Нам потом всегда хотелось по-маленькому, я делала это, присев на корточки, а Берн вставал на колени. Глядя, как две струйки прокладывают себе путь по земле, я

желала, чтобы они соединились, и иногда это случалось. А потом мы возвращались на ферму, не держась за руки, молча.

Первое время я боялась, что Берн все расскажет Чезаре во время их бесед под лиственницей. Но за минувший год между ними словно бы что-то разладилось. Чезаре выходил к нам реже, стал менее разговорчивым, соблюдал дистанцию. В это лето я не присутствовала ни на одной молитве, если не считать коротеньких благодарственных молитв перед едой. Не было ни песен, ни уроков. С сентября Берн и Томмазо должны были пойти в школу в Бриндизи, чтобы подготовиться к экзамену на аттестат зрелости, как это уже сделал Никола в прошлом году. Теперь мы проводили много времени за пределами фермы. С тех пор как Никола получил водительские права, мы стали ездить к морю, но только в прохладное время дня, потому что белая кожа Томмазо страдала от солнечных ожогов. Когда Флориана, работавшая медсестрой в больнице, возвращалась с дежурства, все мы забирались в ее форд; чехлы на сиденьях были из сетки с мелкими деревянными шариками, поэтому на наших задах всегда оставались геометрические узоры.

На побережье Коста-Мерлата была узкая впадина, а в ней цементная площадка, которая отлого спускалась вниз и уходила под воду. Мы ложились там, даже не подстелив полотенце. В это время дня море было тихое, зеленоватое у берега и густого синего цвета вдали. Никола и Берн забирались на скалы, на самый верх, и прыгали в воду; раз или два я поддавалась их уговорам и прыгнула сама, но чаще только смотрела. Прыжки в группировке, винтом, в два и в три оборота, звучный всплеск, когда тело ударяется об воду. Мы с Томмазо были судьями, сидели внизу и подсчитывали очки. Беседа у нас с ним не клеилась. Устав нырять, Берн и Никола подплывали к нам, и мы опять были в сборе, наших невесомых тел в воде опять было четыре. Берн, продолжая разговаривать, незаметно для остальных протягивал ко мне руку и отодвигал полоску купальника между ногами. Крошечные рыбки, какие водятся на мелководье, покусывали меня за пятки и за щиколотки. Я вертела ногами, чтобы отогнать их, но через секунду они оказывались на том же месте.

Вечером мы вчетвером отправлялись в Скало, прибрежный городок, расположенный в четырех километрах к югу. Там, на пустыре, между зарослями кустарника и морем, возле заброшенной сторожевой башни группа молодежи устроила открытое кафе. Вокруг выкрашенного в розовый цвет фургона были расставлены скамейки и столы; в фургоне продавали пиво и сэндвичи, а еще кое-какие нехитрые закуски, приготовленные там же. Из трескучих колонок звучала негромкая музыка; танцевать лучше было в обуви, чтобы не пораниться об окаменелости на этих скалах. Берн и другие знали тут всех и здоровались с каждым встречным, а я вначале чувствовала себя неуютно. Когда было особенно много народу, я теряла ребят из виду на несколько часов и обычно устраивалась пить пиво в уголке, вместе с каким-нибудь взъерошенным незнакомцем. Я ждала, когда придет Берн.

Мы возвращались к машине по тропинке среди кустов мирта, каждый держался за плечи впереди идущего. Даже в лунные ночи там трудно было не споткнуться. До парковки долетала приглушенная музыка. Когда мы подъезжали к дому бабушки, мальчики выходили и провожали меня до ворот. Бассейн в этот час выглядел соблазнительно, мы шутили, что можно бы нырнуть и одетыми, только вот мой отец закидает нас камнями; так или иначе, мы ни разу не воспользовались бассейном. Волосы у меня набрякли от соленой воды, руки пропахли табаком, в голове шумело от пива. Уже из окна своей комнаты я слышала удаляющийся шум мотора форда.

Идея принадлежала Берну, но я тут же поддержала его. И она захватила нас обоих так, словно от этого зависело наше счастье: теперь нам недостаточно было прогулки в заросли тростника, мы хотели быть вместе по-настоящему.

– В постели гораздо удобнее, – говорил Берн, а сказав это, замыкался в мрачном молчании. Я спрашивала: неужели разница такая уж большая, а он отвечал туманно: в постели можно

попробовать гораздо больше разных штук. Я не представляла, откуда он может это знать, да и не задавалась таким вопросом.

Но мы не знали, как это устроить. Чезаре постоянно находился на ферме, а кроме него, там были остальные ребята. А что касается виллы моей бабушки, то Козимо и его жена Роза постоянно были начеку. Мы с Берном снова и снова взвешивали все возможности. Эти дискуссии становились естественным продолжением секса, мы вкладывали в них почти столько же энергии.

Но проходили дни, праздник святого Лаврентия был уже позади, жара убывала, лето приближалось к концу. Все вокруг словно говорило нам: поторопитесь.

– Я приду сегодня ночью, – сказал наконец Берн, чертя кончиками пальцев кольца вокруг моего пупка.

– Куда?

– К тебе.

– Ты не сможешь уйти незаметно. Никола говорит, что спит более чутко, чем остальные.

– Неправда. Это я сплю более чутко, чем остальные. И потом, Никола – это не проблема.

– А если тебя услышит мой папа?

Берн замотал головой. Его глаза были так близко от моих, что причиняли мне боль. Это сияние...

– Я не буду шуметь. А вот тебе надо будет подготовиться. Сумеешь?

На секунду я задумалась. Потом, подняв глаза к небу, в которое вонзались верхушки бамбука, кивнула.

Но прошло еще несколько дней, прежде чем мы осуществили наш план, и в эти дни мы не ходили в заросли, потому что Берна всецело занимало обдумывание деталей. Я была недовольна, но промолчала. Но это не единственное, в чем я не решалась признаться Берну тем летом: например, я не отваживалась сказать, что люблю его. Я изо всех сил гнала от себя подозрение, что добраться до моей постели для Берна стало важнее, чем вообще быть со мной, хотя это подозрение вспыхивало во мне каждый день, когда в послеполуденные часы Берн брал меня за руку и, вместо того чтобы повести сквозь кусты олеандров к ручью, поворачивал на подъездную дорогу, к шоссе.

Мы нашли себе укрытие и рассматривали оттуда дом бабушки.

– Я могу поставить ногу на этот выступ в стене, – говорил Берн, – потом схватиться за водосточную трубу. Ты проверяла, она надежно закреплена? Потом мне надо будет добраться до подоконника, но тебе придется мне помочь. Высунься из окна, когда услышишь этот звук, – он пососал нижнюю губу, и раздался свист, похожий на голос птицы.

В тот вечер, когда наш план должен был осуществиться, мы не поехали в Скало. Берн заявил, что ему туда не хочется, мы и так провели там почти всю прошлую ночь, неужели мы не в состоянии придумать что-то другое?

– Типа чего? – недовольно спросил Никола.

– Типа купить чего-нибудь выпить и поехать в город.

Что бы ни предлагал Берн, остальные всегда его слушались. И мы поехали в Остуни. На площади Сант-Оронцо толпились семьи с мельтешащими всюду детьми, и мы устроились в центре, у подножия статуи святого. До престольного праздника оставалось еще дней десять, но на площади уже стояли прожектора для подсветки, и Берн заметил, что не помешало бы иметь парочку таких прожекторов на ферме.

Вместо того чтобы взять по одной маленькой бутылке пива на каждого, мы взяли две большие на всех: это было выгоднее, и, что еще важнее, нам нравилось пить из одной по очереди, ощущая на губах вкус слюны друг друга.

– Отец спросил меня, есть ли в нашей компании другие девушки, когда мы вечером ездим развлекаться, – сказала я.

– И что ты ответила? – спросил Томмазо.

– Конечно, я сказала: «Знаешь, папа, в нашей компании девушек больше, чем парней!»

Спиной я прижималась к коленям Николы, мои вытянутые ноги лежали на коленях Томмазо. Берн положил голову мне на плечо. Я чувствовала их близость больше, чем когда-либо; это мне нравилось. И еще был наш с Берном секрет, то, что мы собирались сделать сегодня ночью.

Через час после полуночи, когда мы шли от площади к парковке, исторический центр Остуни наводнили вереницы автомобилей, свет фар которых ожерельем обвивал стены бело-снежного города. Возле форда Николы мы увидели группу парней. Их машина стояла рядом, с распахнутой дверцей, чтобы лучше было слышно музыку – мелодию в стиле регги, которую этим летом часто передавали по радио. Они поставили свое пиво на крышу нашего форда. Никола велел им убрать бутылки, возможно немного резко, но не настолько, чтобы это оправдывало тон, которым один из парней сказал: «Будь добр, повтори, пожалуйста».

Берн преградил мне дорогу. Я увидела, как Никола схватил бутылки и переставил их на крышу другой машины. Парни хором продекламировали какой-то стишок, высмеивая наглость Николы. Берн не двигался с места, он так и стоял, вытянув правую руку, защищая меня и не давая подойти ближе.

Один из тех парней, в красном костюме серфингиста и новеньких кроссовках Nike, угостил Николу пивом.

– Остынь, – сказал он. – Выпей.

Никола замотал головой, но парень настаивал:

– В знак примирения.

Тогда Никола отпил глоток и вернул ему бутылку. Затем открыл дверь форда. И все бы на этом кончилось, Никола дал бы задний ход, мы сели бы в машину и присоединились к веренице машин, направлявшихся в Специале, если бы парень, стоявший за спиной серфингиста, не показал на Томмазо и не произнес:

– А этого выстирали с отбеливателем?

Никола нанес ему сокрушительный удар в лицо, но не кулаком, а раскрытой ладонью. Впервые я видела, чтобы человека били таким способом. Я вцепилась в руку Берна, который все еще стоял, не шелохнувшись, словно предвидел все с той самой минуты, как мы пришли на парковку.

Среди противников наступило минутное замешательство. Их было пятеро (я считала), – но все они были моложе нас, и наверняка слабее Николы. Очевидно, они тоже поняли, что преимущество не на их стороне: когда парень в ответ толкнул Николу, это было сделано вяло, словно для очистки совести, – Никола даже не пошатнулся. И с такой же мгновенной реакцией, как в прошлый раз, схватил его за плечи и прижал грудью к машине, в которой звучала музыка. Придавил его голову к крыше машины и прошептал ему на ухо слова, которых никто из нас не расслышал.

По площадке проезжали на малой скорости автомобили, по очереди освещая нас фарами, но ни один не остановился. Никола сел в свой форд, а чужие парни посторонились, давая ему пройти. Мы сели тоже, я и Томмазо сзади, Берн – на переднее пассажирское сиденье.

Снова очутившись на автостраде и встав в длинный хвост машин, мы издали торжествующий вопль. Берн несколько раз воспроизвел удар Николы, потом ощупал мускулы его плеч и шеи, словно тот был боксером.

Придя домой, я застала бабушку в гостиной. Она заснула перед включенным телевизором. Я тронула ее за руку, она вздрогнула и проснулась.

– Где ты была? – спросила она, массируя себе щеки.

– В Остуни. На площади.

– Там в эти дни уйма народу, в Остуни. Все эти наглые туристы. Хочешь травяной чай?

– Нет, спасибо.

– Тогда завари мне, будь добра.

Когда я принесла ей чай, она сидела все в той же позе, уставившись в экран телевизора.

– Это тот смуглый, да? – спросила она, не поворачивая головы.

Чашка зазвенела о блюдце. Немного чая пролилось, и она это заметила.

– Что?

– Да, это смуглый. Второй, родной сын Чезаре, тоже симпатяга. Но смуглый, конечно, интереснее. Как его зовут?

– Берн.

– Просто Берн? Или это уменьшительное от Бернардо?

– Не знаю.

Секунду она молчала. Потом сказала:

– Я пытаюсь вспомнить, чем мы занимались по вечерам, когда я была в твоём возрасте. И знаешь, что мы делали? Ездили на площадь в Остуни. Он ласковый?

– Да.

– Это очень важно.

– Давай я отнесу тебе чай в спальню, – предложила я. – Там ты сможешь прилечь.

– Хорошая мысль, – сказала бабушка, упершись ладонями в колени, чтобы встать.

Она пошла за мной в спальню. Прежде чем оставить ее одну, я сказала:

– Только ему не говори, пожалуйста.

В ответ бабушка улыбнулась, и я сочла это знаком согласия. В коридоре я приложила ухо к папиной двери: с той стороны слышалось ровное дыхание спящего.

Я приняла душ, потом сняла и снова надела пижамные брюки, примерила минимум четыре футболки, скользнула под одеяло, потом села на стул: может быть, Берну будет приятно лечь в теплую постель. Все, что у ручья происходило легко и просто, сейчас вызывало у меня тревогу. Все это вдруг стало казаться мне бесчестным, грязным.

В три часа я решила, что он уже не придет. Наверное, не сумел выбраться незаметно, а может, просто забыл. Второй вариант показался мне более убедительным. Скорее всего, большая драка, в которую мы едва не ввязались, настолько возбудила его, что предстоящее свидание вылетело у него из головы. Когда дело касалось Берна, я гнала от себя дурные мысли.

Но немного погодя я услышала легкий стук. Это он поставил ногу на водосточную трубу, подумала я. И решила стоять у окна, пока не услышу свист. После этого я открыла ставни и помогла Берну забраться в окно. Спрыгнув с подоконника, он порывисто поцеловал меня. Из рта у него пахло сигаретами и пивом: то ли не почистил зубы, то ли выпил еще. Затем он нащупал мою грудь, сначала сквозь футболку, потом футболка была сорвана.

– Как ты напряжена, – сказал он, продолжая ласкать меня и раздевать (теперь он снял трусики и стал целовать мне бедра).

– А вдруг нас услышат?

– Никто нас не услышит.

Отстранившись, он взглянул на кровать, стоявшую у стены.

– Как ты хочешь – на простыне или под простыней?

– Не знаю.

– Я предпочитаю на простыне. А свет? Не будем его выключать, ладно?

Мы забрались на кровать и встали на колени лицом друг к другу. У меня перехватило дыхание, когда я увидела его таким, обнаженным и бесстыдным среди ночи, с темными волосками вокруг вставшего члена.

Он приник ко мне все с той же страстностью, но я остановила его. И сказала, что в этот раз мы все сделаем по-другому, бесшумно. Мы были в постели, и нам некуда было торопиться. Он отпрянул, словно смутившись. Я уложила его на спину, сжала коленями его талию. И стала

тереться о его тело, от живота до ляжек, взад-вперед, взад вперед, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, пока не почувствовала в том месте, где мы должны были соединиться, горячую волну, которая мгновенно поднялась до самого горла. Никогда раньше со мной такого не бывало.

Берн изумленно смотрел на меня, положив руки на одеяло, как будто боялся помешать мне. Когда я увидела его таким, меня снова охватил жар.

Мгновение спустя моей первой мыслью было, что мы шумели: может быть, я крикнула или крикнул он. Я уже не соображала, что происходит. Лежала, положив голову на его ключицу, и напрягая слух, чтобы услышать, не ходит ли кто в коридоре.

– Все получилось не так, как я думал, – сказал Берн. – Ты даже не дала мне пошевелиться.

– Извини.

– Нет, что ты, – быстро сказал он. – Было хорошо.

Мне хотелось спать, но я чувствовала, что его мускулы подо мной все еще напряжены.

– Теперь мне пора, – сказал он.

Лежа на кровати, я смотрела, как он одевается. Я чувствовала смущение – не потому, что все еще была голая, а потому, что все еще хотела его, а он уже собрался возвращаться.

– Можешь выйти через дверь, только тихо, – предложила я.

– Не стоит.

Он схватился за окно, повернулся лицом к комнате, чтобы спуститься. Я подошла к окну. Он успел спуститься на полметра, прежде чем в последний раз поднял глаза вверх, на меня.

– Видала, как Никола дал им отпор? Он защитил нас всех от этих типов.

Он поставил ногу на выступающие камни фасада, спрыгнул. Дойдя до бассейна, на прощание смешно махнул мне рукой, затем бросился бежать.

На следующий день был праздник Успения. Отец попросил меня сопровождать его в Фазано, где он собирался встретиться с другом детства. Мне совсем не хотелось ехать, но чувство вины за то, что произошло ночью, заставило меня согласиться.

Друг отца жил на окраине, в низеньком домике, выкрашенном желтой краской. Это был очень толстый мужчина, с одышкой, который за все время, что мы были у него, не встал с кресла. С ним в доме жила девушка примерно моего возраста, она приносила ему питье, подбирала подушку, упавшую с кресла, и снова пристраивала ему под голову; в какой-то момент она на несколько сантиметров приспустила жалюзи, заметив, что его раздражает свет. Делала она все это с отсутствующим видом, почти автоматически, а в промежутках прислушивалась к нашему разговору, или только делала вид, что прислушивается. Из-под халатика выглядывали стройные загорелые ноги; у нее была шапка курчавых волос, черных, как вороново крыло, и безупречный профиль с выпуклым лбом и маленьким прямым носом. Она ни разу на меня не взглянула, а я не могла отвести от нее глаз.

Друг папы все время кашлял в скомканный платок, а потом всматривался в него, как будто что-то искал. Я попросила разрешения выйти подышать. Через минуту девушка вышла тоже. Я стояла у стены, в тени, и курила.

– У меня есть травка, если тебе надо.

Она достала из кармана целлофановый пакетик. Попросила у меня сигарету, ловко и аккуратно вытрясла из нее табак на левую ладонь. Лак у нее на ногтях потрескался, его нанесли чуть ли не неделю назад. Она смешала травку с табаком и всыпала смесь в пустой бумажный цилиндр. Мы сделали несколько затяжек.

– Он серьезно болен?

Пожав плечами, девушка поддула на кончик сигареты, и он ярко вспыхнул.

– Да. Думаю, он умрет.

Я сказала, как меня зовут и, немного смущаясь, протянула ей руку.

– А я – Виолалибера, – представилась она.

– Какое красивое имя.

Она застенчиво улыбнулась, на щеках появились ямочки.

– Сама придумала.

– Придумала?

– Раньше у меня было другое имя, но мне оно не нравилось.

– А какое?

Она долго смотрела на сигарету, словно не решаясь ответить.

– Скажи, если это не секрет, – добавила я.

– Оно было албанское, – ответила она, словно этим все было сказано.

Я не знала, что сказать, подумала, что нехорошо было так настаивать, и спросила:

– Ты не бываешь в Скало?

– Что это такое?

– Ну, что-то вроде кафе на открытом воздухе. У моря. Там показывают кино. И есть бар, но в нем продают только пиво. И бутерброды с кониной.

– Гадость какая.

– Они жирноватые. Но потом привыкаешь.

– Может, и побываю как-нибудь, – сказала Виолалибера, давая понять, что я ее не убедила.

Мы докурили косяк молча, думая каждая о своем. Напротив нас вытянулась вереница домиков, точно таких же, как дом папиного друга, но только недостроенных. Наружные лестницы вели в пустоту, в окнах не было стекол. Вокруг, точно стены, угрожающе нависали заросли кактусов.

– Дашь немножко с собой? – спросила я. Берну и остальным ребятам это доставило бы удовольствие. Они часто говорили о том, чтобы купить марихуаны или гашиша, но в итоге каждый раз выяснялось, что у них на это нет денег. – Я тебе заплачу.

Виолалибера достала целлофановый пакетик и протянула мне:

– Возьми так. У меня еще есть.

Она отправила в рот карамельку, другую предложила мне. Потом мы вернулись в дом и она всех угостила миндальным молоком. Хозяин дома некстати закашлялся, и молоко попало ему не в то горло. Папа бросился к нему, но не знал, как помочь. Виолалибера сказала, чтобы он не волновался, и стала хлопать своего подопечного по спине до тех пор, пока у того не прекратился кашель. Затем принесла на подносе графин с водой. Все оставшееся время она просидела уткнув подбородок в грудь, чтобы не рассмеяться беспричинным смехом.

Мы собрались домой. Папа был грустный. Он спросил, не хочу ли я немного пройтись по берегу, а может, и съесть мороженое, хотя было еще утро. Мне надо было поскорее вернуться на ферму, ведь до отъезда оставалось всего несколько дней, а я тратила время впустую. Но я опять не решилась его расстроить.

Мы доехали до пляжа Санта-Сабина. Песок был плотный, упругий, рыбацьи лодки без усталости сновали вдоль берега. Папа взял меня под руку.

– В юности мы с Джованни часто приезжали порыбачить сюда, – сказал он, указывая на какую-то неопределенную точку в морской дали.

– Твой друг болен?

– Он кажется глубоким стариком, верно? А видела бы ты его тогда! Он нырял без акваланга на глубину до двадцати метров. Мы возвращались домой с полными ведрами рыбы. Тогда еще не было таких запретов, как сейчас. Сколько ни наловишь, все твое.

Он вертел рожок в руках, слизывая с краев мороженое.

– Мне хотелось бы когда-нибудь снова здесь поселиться, – сказал он, – и, возможно, я так и сделаю. Что ты на это скажешь?

– Скажу, что мама не согласится.

Он пожал плечами. На пирсе стояла неработающая карусель, сиденья которой были соединены цепями. Мы дошли до дальнего конца, откуда открывался вид на ближние бухты и заливы.

– Джованни знал отца твоего друга.

– Чезаре?

– Нет. Отца другого мальчишка. Его зовут Берн, если не ошибаюсь?

Он стоял рядом и смотрел мне прямо в глаза. Это бабушка ему рассказала? Я надеялась, что на этом разговор закончится. Но нет:

– Его называли Немец. Отца Берна. Я не был уверен, что речь шла о нем, но сегодня я спросил об этом у Джованни, и он подтвердил. Никто не знает, что с ним случилось.

– Отец Берна умер. Это он мне сказал.

Папа подмигнул:

– Твой друг не производит на меня впечатления очень искреннего человека.

– Поедем домой, а, папа?

– Подожди минутку. Не хочешь узнать, откуда такое прозвище – Немец? Это интересная история. Ты когда-нибудь слышала о черных археологах?

Читала в учебнике истории. Но я промолчала.

– В земле вокруг нас полно древних артефактов. Наконечников стрел, ножей из обсидиана, осколков ваз. Обычно все это малоценное, но не всегда. Даже я мальчишкой подбирал тут кое-что. Как я уже тебе сказал, раньше все, что ты находил, было твоим. Но с Немцем и его приятелями вышло по-другому. Они приезжали сюда на отдых, но, вместо того чтобы идти к морю, копались в земле. У них были специальные заостренные палки.

Он вытер губы и пальцы салфеткой, в которую был завернут рожок с мороженым. Потом скомкал ее и бросил на землю.

– Они копали по ночам, а утром крестьяне обнаруживали, что их поля разрыты. Когда Немцу удавалось много чего найти, он нагружал свой пикап и уезжал в Германию. Он нажил на этом неплохие деньги. А однажды приехал в Специале на мерседесе. Карabinieri начали его разыскивать. И знаешь, что он тогда сделал? В одну ночь опустошил целый некрополь. А утром уехал и больше не возвращался. Но забрал с собой твоего друга Берна. Можешь себе представить, сколько шуму эта история наделала в Специале. Как уверяет Джованни, все только об этом и говорили. Это было в восемьдесят седьмом году. Сколько лет тебе было тогда?

Я подсчитала:

– Семь.

Чайки не обращали на нас внимания. Когда мы шли мимо, они не разлетались, а продолжали кричать и нервно хлопать крыльями.

– Поедем домой, ну пожалуйста! – выдохнула я.

– Семь, – повторил папа. – Думаю, твоему другу было примерно столько же. Около года он оставался в Германии. А потом вернулся сюда, на поезде. Он не смог предупредить о своем приезде, поэтому его не встретили и он добирался пешком от вокзала в Остунни до фермы. А это очень далеко. Удивительно, как он дошел, в его-то возрасте.

Я была уверена, что его слова не смогут повлиять на меня. С той ночи, когда ребят застали в бассейне, прошло много времени, но я думала, что, говоря о неискренности Берна, он имел в виду именно тот случай. Он не знал, что я все видела из окна: и если кого-то и можно было обвинить в неискренности, то только его самого. Возможно, или даже наверняка, история про Немца и нелегальные раскопки была просто наводящей страх выдумкой.

И все же, когда мы с Берном опять были в зарослях, я не могла расслабиться. Корни царапали мне спину, налипавшая на локти грязь раздражала. В небе, над верхушками побегов бамбука пролетел истребитель. Я услышала шорох; повернула голову и заметила, что тростник

колышется. Затем послышались быстро удаляющиеся шаги. Я сказала об этом Берну, но он не придавал значения моим словам. Казалось, он только что вернулся откуда-то издалека.

– Ящерица, наверно. Или тебе показалось.

Вернувшись на ферму, мы с Берном сели в беседке играть в скат. Третьим был Томмазо. Он едва поздоровался со мной. В последнее время мы с ним соперничали за внимание Берна.

Вскоре появился и Чезаре. Машинально улыбнулся мне и спросил у ребят: «Надо почистить клетки для кур. Кто мне поможет?»

Берн и Томмазо, угрюмо переглянувшись, сделали вид, что не расслышали. Никола без энтузиазма сказал:

– Сейчас приду.

Чезаре прождал еще несколько секунд. Затем кивнул и ушел.

Берн объявил шнейдер и выложил на стол выигрышную комбинацию карт. Когда он тасовал колоду, я подумала: а ведь он произнес не «шнейдер», а «шнаyder», и другие термины игры произносил тоже на немецкий лад. Наверное, выучил их в Германии, подумала я. А потом попыталась отогнать от себя эту мысль.

Накануне моего отъезда у Томмазо был день рождения: ему исполнилось восемнадцать. Мы собирались с размахом отметить эти два события, запланировали на последний вечер массу развлечений. Поехали к морю, захватив с собой сумку со сменной одеждой. Я надела топ с глубоким вырезом, юбку, которую мы с мамой вместе покупали весной, и веревочные сандалии. Кожа, покрытая налетом соли, слегка чесалась от прикосновения ткани. Я помню, как были одеты остальные: на Томмазо была футболка горчичного цвета, Берн натянул черную, с надписью ЗООСАФАРИ, – по-моему, десять лет спустя он все еще носил ее, – а Никола – пеструю рубашку. И помню, как во мне с каждым часом нарастала тревога от мысли, что завтра придется уехать.

Когда мы добрались до Скало, небо было уже все розовое. Я показала ребятам травку, которую дала мне Виолалибера, и, хотя Никола и захотел попробовать ее сразу, мы все решили отложить это на потом. Никола и Берн приготовили Томмазо сюрприз: привезли бутылку джина и попросили бармена спрятать ее у себя вместе с ананасным соком. Потом мы смешали джин с соком в кувшине и выпили. Коктейль вышел таким крепким, что мы потом полчаса валялись в шезлонгах, не в силах пошевелиться. Там и застала нас темнота. На экране, установленном посреди площадки, показывали черно-белый фильм, настолько старый и затертый, что актеры двигались как будто рывками. Я сразу поняла: день рождения Томмазо станет таким значительным событием, что о моем завтрашнем отъезде никто и не вспомнит. И решила, что сегодня ночью сделаю так, чтобы Берн поцеловал меня при всех. А иначе с чем я завтра вернусь в Турин?

Мы отошли в сторону, чтобы покурить травку; каждый поздравил Томмазо с совершеннолетием и высказал какое-нибудь пожелание. Я пожелала ему поскорее найти себе девушку, он поблагодарил меня, но при этом странно усмехнулся. Последним высказался Берн:

– Желаю тебе научиться прыгать в воду с самой высокой скалы.

Потом нам страшно захотелось есть. Я с отвращением смотрела, как Берн и Томмазо пожирают бутерброды с кониной. Никола равнодушно жевал картошку фри, как будто такое зрелище было для него привычным, но когда Берн, отерев с губ кетчуп, заорал: «Когда-нибудь я разорву и слопаю одну из курочек твоего папы!» – он вскочил и угрожающе посмотрел на него с высоты своего роста. Берн и Томмазо стали высмеивать его, размахивая локтями, как цыплята крыльями, и тогда он на несколько минут отошел в сторону.

Напряжение нарастало. Правда, со мной Берн вел себя сдержанно и отчужденно. Они с Николой предложили выпить за здоровье Томмазо, а затем подхватили его подмышки и подняли в воздух. Ананасный сок кончился, поэтому мы больше не разбавляли джин. Бутылка

оказалась у Томмазо, и он не выпускал ее из рук. После каждого глотка у него перехватывало дыхание.

Берн сказал, что нам надо зайти внутрь башни: он хотел мне что-то показать там. Никола отказался идти, сказав, что он там уже был, а Томмазо присоединился к нам, но было видно, что ему не столько хочется в башню, сколько неохота оставлять нас с Берном вдвоем. Мы подошли к сетчатой ограде вокруг башни. В свете далекого фонаря надпись «Вход воспрещен» было почти не разглядеть. Надо было еще пройти через поле, заросшее крапивой: у меня были голые ноги, и я сказала Берну, что буду вся в волдырях.

Лестница начиналась в полутора метрах над землей. Поднявшись по десяти очень крутым ступенькам, мы оказались в центре башни. Там была прямоугольная бойница, сквозь которую на нас смотрело море, абсолютно черное, без единого проблеска света. Берн включил фонарик.

– Сюда, – сказал он.

Мы перешли на другую лестницу и стали по ней спускаться. Стены покрывали нарисованные и процарапанные надписи, пол был завален отбросами, которые скрипели под подошвами моих сандалий. По телу у меня начали сбегать струйки пота. Давай вернемся, сказала я Берну, но он ответил, что хочет дойти со мной до конца.

– Не надо, выйдем отсюда, – захныкала я.

– Спокойно, мы уже почти пришли.

Позади шел Томмазо, от него пахло джином. Я вцепилась в футболку Берна, рванула ее, но он не остановился.

Вдруг лестница кончилась. Мы оказались в каком-то помещении; я не могла понять, насколько оно просторное, пока Берн не провел лучом фонарика по стенам.

– Пришли.

Луч выхватил из темноты засаленный матрас, валявшийся в углу. Вокруг были аккуратно расставлены пустые бутылки и банки из-под пива. Берн нагнулся, поднял одну и указал мне на выцветшую этикетку.

– Видишь, какой тут срок годности? Семьдесят первый год. Потрясающе, да? Здесь кто-то жил.

Даже в темноте было видно, как сверкают у него глаза. Но у меня эта банка не вызывала ни малейшего интереса, как и все остальное здесь. Я представляла, как по полу, возле моих ног, которых я даже не могла различить в темноте, носятся полчища тараканов.

– Уйдем отсюда, – умоляла я.

Берн поставил банку на пол, в точности на то место, где она была раньше.

– Иногда ты ведешь себя, как капризная девчонка.

Почему-то мне показалось, будто я вижу, как Томмазо ухмыляется за моей спиной.

Берн быстро взбежал по лестнице, не оглядываясь на меня. А я поднималась, вытянув руки, чтобы не натолкнуться на стены, которые внезапно выросли передо мной. Когда мы выбрались на воздух, меня вывернуло наизнанку в заросли крапивы. Берн ничего мне не сказал, он словно не замечал меня. Машинально водил пальцем по фонарику, то включал, то выключал его. И смотрел на меня холодным взглядом, словно оценивая. Только когда надо было пролезать под колючей оградой, он протянул мне руку, но я не взялась за нее.

Тем временем в Скало набежало полно народу. Мы начали танцевать. Мое праздничное настроение постепенно улетучивалось, но я старалась побороть это неприятное чувство, чтобы не портить себе последний вечер. Звучала музыка Роберта Майлза, музыка без слов, грустная и задумчивая, а мне хотелось, чтобы пластинку сейчас же сменили, и одновременно – чтобы она играла до бесконечности: вот до чего дошел у меня внутренний разлад.

Когда мы все танцевали, Томмазо вдруг набросился на Берна, ударил его головой в живот и зарыдал. Берн обхватил ладонями его виски, нагнулся и прошептал ему что-то на ухо. Томмазо, не переставая плакать, замотал головой. В таком виде, на корточках, с бледной кожей

и красными от слез глазами, он казался беззащитным, как кролик. Никола и я перестали танцевать.

– Пойдем со мной, – сказал Никола.

Мы заказали два пива. Я прикинула: а что со мной будет от сочетания травки с алкоголем, и как я завтра перенесу многочасовую поездку на машине, а потом подумала: да плевать на все. Томмазо выпрямился, и они с Берном обнялись и так и стояли, словно застыв в медленном танце.

– Что это на него нашло? – спросила я Николу.

Он опустил глаза:

– Просто выпил лишнего, вот и все.

Никола был на год старше своих товарищей, через месяц он собирался поступать в университет в Бари и по этой причине все лето держался на некотором расстоянии.

– Уже четвертый час, – сказал он, – пора возвращаться. Чезаре будет вне себя. И твой отец тоже.

Томмазо и Берн направились к морю, сели у скал. Затем растянулись на песке, словно в ожидании, когда их смочит прилив.

– Подождем их, – сказала я. Голос у меня звучал странно, как чужой. Слишком много разочарований за один вечер.

– Не надо их ждать.

Никола взял меня за локоть и попытался увести. Но я вырвалась и побежала к Берну. Его голова была совсем близко от головы Томмазо, но они не разговаривали, только смотрели на темное небо и ничего больше.

Заметив меня, Берн встал с покорным видом, как будто от него этого кто-то требовал. Мы отошли на несколько шагов, в совсем уж непроглядную темень.

– Я ухожу, – сказала я. Уже не получалось взять себя в руки, меня всю трясло.

– Счастливого пути.

– Это все, что ты можешь сказать? «Счастливого пути»?

Берн краем глаза взглянул на Томмазо, который так и не двинулся с места. Затем глубоко вздохнул. И до меня вдруг дошло, что у него абсолютно ясная голова: несмотря на травку и джин, он ни на секунду не терял контроль над собой.

– Возвращайся в Турин, Тереза. В свой дом, к своим одноклассникам, к своим развлечениям. И не беспокойся о том, что происходит здесь. Когда через год ты приедешь опять, будет ровно то же самое.

– Почему ты никогда не целуешь меня при остальных?

Берн дважды кивнул. Он держал руки в карманах брюк и казался бесконечно усталым. Потом он вдруг шагнул ко мне и обхватил мои бедра.

Это не был торопливый, неловкий поцелуй. Совсем напротив. Берн притянул меня к себе, я прижалась к нему всем телом. Его рука пробежала по моей спине снизу вверх, схватила в охапку волосы. Но мне показалось, будто я целуюсь не с ним, а с кем-то другим, незнакомым. Это была, подумалось мне в тот самый момент, идеальная симуляция поцелуя.

– Наверно, ты это имела в виду, – сказал он.

Томмазо сидел, закрыв глаза, и все же я чувствовала его присутствие совсем рядом, словно он втиснулся между нами. Берн смотрел на меня без раздражения, даже с грустью, как будто уже видел меня, недосыгаемую, за окном уносящейся вдаль машины. Я отступила на несколько шагов, не сводя с него взгляда, потом повернулась и убежала. А он остался там, у полуразрушенной башни, у скал в пене прибоя, у молчаливого моря, среди безжалостно прекрасной южной ночи.

Я уже привыкла, что Турин встречал меня еще более неприветливым, чем был до отъезда: слишком широкие проспекты, белесое небо, нависшее над головой, словно пластиковый

тент. Чезаре однажды сказал: «В конце концов все, построенное человеком, превратится в слой пыли толщиной меньше сантиметра. Вот такие мы ничтожные. Только мысль о Боге возвышает нас». Приезжая мимо дворцов в центре города, я вспомнила его слова и все вокруг показалось мне непрочным, иллюзорным. Я знала, что это у меня скоро пройдет, и через неделю-две гадкое ощущение в груди, похожее то ли на голод, то ли на тошноту, прекратится само собой, и все станет таким, как прежде – привычным, нормальным. Так бывало раньше. Но в этом году грусть длилась гораздо дольше. Настало Рождество, а я все еще тосковала по Специале.

Мои одноклассники жили в постоянном возбуждении. Один за другим они становились совершеннолетними, и каждый день рождения превращался в важное событие. Первым из нас эту знаменательную дату отметил Альберто Йона. Благодаря связям отца он сумел снять для праздника зал Общества игры в вист, а также арендовать оба лимузина, имевшихся в городе. Альберто посадил в них нескольких девочек из класса, и мы, еще не прибыв на праздник, прямо в машине выпили просекко. Мальчики были в смокингах, а все девочки, не исключая и меня, потребовали у родителей для такого случая новое платье. Виновник торжества протанцевал вальс с мамой, затем еще один, с сестрой, в то время как все мы стояли кружком и смотрели на них. Когда я вышла на балкон, Альберто последовал за мной. Он сказал, что в одиночестве, с сигаретой и бокалом в руке, я похожа на расстроенную принцессу. И что у него в кармане есть экстази, если надо поднять настроение.

На следующее утро чувство отчужденности стало почти невыносимым. Если бы у меня остались орехи Берна, сейчас было бы самое время достать их, погрузить в них руки и ощутить тепло, которое, возможно, они еще сохраняли, – но их давно выбросили. От Берна мне не осталось ничего, кроме воспоминаний, тускневших с каждым днем, а еще стыд за то, что в последний вечер я, по сути, заставила его поцеловать меня.

Мне исполнилось восемнадцать в июне, и в начале месяца папа с некоторой тревогой спросил, как я хотела бы отпраздновать день рождения. Я ответила, что должна хорошенько все обдумать, и больше мы к этому разговору не возвращались. В день восемнадцатилетия я нашла у себя на подушке конверт с деньгами и нарисованным чернилами сердечком, внутри которого была цифра «18». Я положила деньги между страницами франко-итальянского словаря. Весь июнь я ждала звонка от Берна, но так и не дождалась. Хотя точно помнила, что называла ему дату, а потом еще указала ее в письме, которое послала несколько недель назад и на которое он не ответил.

Зато позвонила бабушка. Я спросила ее про Берна, Томмазо и Николу. Вопрос явно застал ее врасплох. Она повторила слова, которые уже говорила раньше – «они то появляются, то исчезают», – и, по-моему, сделала это нарочно. Затем добавила:

– Я о них ничего не знаю. Я тут мало с кем общаюсь.

Были объявлены наши оценки за год – обошлось без неприятных сюрпризов, но и это событие мне не захотелось отпраздновать. Мои школьные друзья отправились в Испанию на каникулы, запланированные еще несколько месяцев назад, а я начала считать дни, которые оставались до поездки в Специале. Деньги, спрятанные в словаре, я потратила за полдня. Купила бикини от *Banana Moon*, а остаток денег отдала парню из Туниса за брикет гашиша. Придя домой, я раздробила брикет на кусочки, затем разрешила пополам несколько кусков мыла, сделала отверстия внутри половинок и спрятала в них гашиш: так мне посоветовал продавец. Этого должно было хватить надолго. Берн заверил меня, что в этом году все будет, как в прошлом.

По сторонам автострады потянулись решетки, за которыми росли пальмы. Это был питомник: значит, до Специале оставалось совсем недалеко. Я не знала, продавались ли эти пальмы, но они были такими громадными, что трудно было себе представить, как их можно вывезти. В этот раз все они были без верхушек: стволы торчали кверху ровными рядами, как зубцы грабель. Я спросила папу, что случилось с пальмами.

- Не знаю, – ответил он, рассеянно взглянув в ту сторону, – наверное, их подрезали.
- А раньше не подрезали.

Других пальм – тех, что росли у наших ворот, я тоже не обнаружила. Как объяснил потом Козимо, их распиленные стволы лежали где-то на участке, их собирались сжечь. А корни были такие мощные, что пришлось выкорчевывать экскаватором.

- Я покажу тебе одного из этих чертовых гадов, – сказал Козимо.

Он пригласил нас зайти в сторожку, но папа отказался, и зашла я одна. Из шкафа, на котором были сложены инструменты, Козимо достал стеклянную банку. На дне сидел ядовито-красный жук с длинным изогнутым хоботком.

– Красный долгоносик, вот кто это, – объяснил Козимо, тряся банкой у меня перед носом. – Самка забирается под кору пальм и откладывает яйца. Из каждого появляются тысячи личинок. Они выедают пальму изнутри, а когда покончат с одной, принимаются за следующую. А прислали нам эту пакость китайцы.

Мне стоило большого труда побороть нетерпение и не побежать сразу к Берну. А вечером пришлось еще сидеть на террасе с папой и бабушкой. Я рассказывала ей, как прошел школьный год, рассказывала так долго, что мне надоел собственный голос. Бабушка слушала меня внимательно. Это было непривычно. Я сидела спиной к ограде, но, встав, чтобы убрать со стола и вымыть посуду, сразу же посмотрела в сторону фермы: и мне показалось, что там, вдали, за верхушками олив, слабо поблескивает желтый огонек.

Утром небо было молочно-белое, сплошь затянутое тучами. Мне это не понравилось: я представляла себе, что наша встреча с Берном произойдет в ясный, безоблачный день. Я сказала бабушке, что пойду прогуляться, а потом, может быть, загляну на ферму, поздороваться с ребятами. Бикини от *Banana Moon* я спрятала под обычным раздельным купальником белого цвета; я дрожала мелкой дрожью, была словно пьяная от нетерпения, но надеялась, что никто этого не заметит. Мыло, начиненное гашишем, я положила в соломенную пляжную сумку. Я собиралась сразу же преподнести его в дар Берну, во-первых, чтобы удивить его, а во-вторых, потому что держать наркотик дома было небезопасно: служанка Роза шарилась повсюду.

Но бабушка не пустила меня:

- Сначала позавтракай.

На столе меня ждали рогалик с вишней и стакан молока. Поколебавшись, я все же присела на краешек стула, а бабушка села напротив. Я отломил кусочек рогалика и сунула в рот.

- Вкусно? – спросила бабушка.
- Ты же знаешь, я с вишней больше всего люблю.

Придется вернуться, чтобы почистить зубы: когда же, наконец, я уйду?

- Кушай на здоровье. В Турине таких не найдешь.

На столе лежала одна из книг, которые она обычно читала. Я взяла ее, взглянула на обложку. Автор – Корделия Грей.

- Тебе понравилось? – спросила я, чтобы что-то сказать.

Бабушка неопределенно взмахнула рукой:

– Я только начала. Вроде бы неплохо. Но я так много их прочла, что после десятка страниц уже могу представить себе развязку.

- Угадываешь, кто убийца?

– Почти всегда. А если не получается, значит, сюжет специально построен так, чтобы запутать читателя.

В нескольких шагах от нас, на лавровом кусте сидела невидимая цикада: стоило мне пошевелиться, как она умолкала, но потом снова начинался монотонный, изматывающий стрекот.

В дальнем конце сада Козимо возился с оросительным устройством. Наладив его, он скрестил руки на груди и так и стоял под брызгами воды, которые доставали ему до пояса.

Как-то раз он сказал мне, что мыши забавы ради грызут жиклеры, и с тех пор я стала бояться ходить по траве.

Я дожевала рогалик, допила молоко. Нечасто бабушка бывала так предупредительна и заботлива. И никогда не составляла мне компанию за завтраком, только бросала издали укоряющие взгляды, потому что я всегда приходила в разное время. Но вчера вечером она была непривычно ласковой, да и сегодня тоже. Она загнула уголок обложки и наконец произнесла:

– Его там нет.

– Что?

К пальцам прилипли жирные крошки, а салфетки не было. Чтобы не запачкать купальник, я вытерла пальцы о ноги.

– Берна там нет.

Я оперлась локтем о стол. Несмотря на пасмурное небо, свет был таким ярким, что болели глаза. От жирного рогалика у меня едва не сделалась отрыжка, но я ее подавила. Бабушка отложила книгу и протянула ко мне руку, но я отпрянула.

– Помнишь, ты спрашивала о нем? В твой день рождения?

– Да.

– Я тогда сказала, что в последнее время не видела людей с фермы. Так и было. Берн и другой мальчик...

– Томмазо?

– Нет, не Томмазо. Яннис.

– Там нет никакого Янниса.

– Ты, наверное, не успела с ним познакомиться. Он приехал только к концу лета. Кажется, из Молдавии. Они с Берном работали тут до декабря, собирали урожай оливок. Берн с виду хрупкий, но видела бы ты, как он орудует палкой, когда сбивает оливки с дерева! Даже Козимо удивился. А Яннис расставлял под деревьями сетки и потом их вытряхивал. Масло получилось отменное. Я, конечно, его попробовала, отправила твоему папе в Турин...

– И что дальше?

Бабушка вздохнула:

– Когда кончился сбор оливок, работы почти не было, поэтому я их больше не нанимала. Но недели три назад мне вдруг захотелось узнать, что у них там происходит. В свое время Берн признался мне, что у него проблемы с математикой, я предложила позаниматься с ним, и теперь мне стало совестно, что я ни разу не поинтересовалась, как у него дела. И я пошла на ферму. Ах да, точно, это было в июле. Там была только синьора Флориана. От нее я и узнала... о том, что случилось.

Я увидела, как из-за угла дома вышел мой отец. Увидев нас вдвоем, он попятился и снова исчез за углом.

– Что случилось, бабушка?

– Вроде как Берн попал в историю... – Она посмотрела мне прямо в глаза: – ...с одной девушкой.

Я подобрала одну за другой оставшиеся крошки. Потом машинально отправила их в рот.

– Если честно, Флориана не захотела сказать мне, в чем дело. Но я поспрашивала у местных.

– В какую историю?

Бабушка грустно улыбнулась:

– Ну, в какую историю можно попасть с совсем юной девушкой? Она от него забеременела. И потом...

Я вскочила с места. Стул упал, ударился о камень. Бабушка вздрогнула.

– Пойду выясню, – сказала я.

Мне не пришлось в голову поставить стул на место.

– Ты не можешь туда пойти.

– Где велик? Куда, черт возьми, вы его подевали?

Ограда фермы была заперта на ключ и вдобавок на цепочку. Я бросила велосипед на землю и пролезла под оградой. Справа от меня росла груша, увешанная спелыми плодами; на земле валялось много опавших, от которых пахло гнилью. На самой ферме не было ни души. Я присела на садовые качели, но не стала раскачиваться. Просто сидела и ждала. Наверное, около часа.

Значит, какая-то девушка забеременела от Берна.

Я смотрела на кошек, бродивших вокруг дома. Среди них появились новые, которых не было в прошлом году. Один громадный рыжий котиче долго пялился на меня.

От Берна забеременела какая-то девушка. А почему не я?

Услышав шум подъезжающей машины, я не шелохнулась. Чезаре и Флориана не ускорили шага, когда увидели меня. Они были одеты по-городскому, он – в синем хлопчатобумажном костюме и галстук, она – в узком облегающем платье из переливчатой ткани. Чезаре подстриг волосы. Мне хотелось побежать им навстречу, броситься в их объятия, но вместо этого я чинно сидела на качелях. За ними шел какой-то юноша, тоже элегантно одетый, но без галстука.

– Тереза, дорогая, – сказала Флориана, взяв меня за руки и разведя их в стороны, как будто хотела осмотреть с головы до ног, – мы ходили на мессу. Ты долго нас ждала? С этой жарой... Сейчас же налью тебе стакан холодного чаю.

– Спасибо, не надо.

Сердце у меня вышло из-под контроля. Я боялась, что его удары будут слышны сквозь вены на запястьях.

– Очень даже надо. Немного холодного чаю, чтобы освежиться. Вчера это нам помогло. И вместо сахара я положила сушеную агава, так что за фигуру можно не бояться. Ты еще не знакома с Яннисом, верно?

И она быстро исчезла за домом. Яннис молча отвесил мне нечто вроде поклона и тоже ушел. Чезаре, пытая от жары, ослабил галстук, взял стул и поставил его напротив меня.

– Мы выбрали себе приход, – сказал он. – Далековато отсюда, в Локоротондо, но тамошний священник – первый из встреченных мной служителей Церкви, у кого в голове не три-четыре заученные фразы. Его зовут дон Валерио. Это интересный человек и, по-моему, он глубоко уважает меня. Он проводит серьезную работу с Яннисом. Мальчик, кажется, православный, хотя сам толком не знает, что это значит. Так или иначе, но к мессе он с нами ходит. Мне хотелось бы познакомить тебя с доном Валерио. Ты здесь остановилась по дороге куда-то еще или задержишься подольше, как в прошлые годы?

Что-то в его словах сделало мои страдания еще мучительнее. Увидев меня здесь, Чезаре и Флориана реагировали достаточно вяло. Когда они шли от машины, мне даже показалось, что они не рады моему появлению.

– Не повезло тебе с погодой, – заметил Чезаре. – Буквально до вчерашнего дня было чудесно, а сегодня... такая высокая влажность... И, похоже, улучшения пока не намечается.

– Я пришла поздороваться с Берном, – сказала я. И, чтобы не показаться невоспитанной, прибавила: – И с Николой.

Чезаре хлопнул ладонями по коленям.

– Ах, Никола, дорогой мой сынок! С тех пор как он поступил в университет, мы его, паршивца, почти не видим. Хотя, надо сказать, он молодец. Сдал все экзамены за прошлый год, кроме частного права. Но ведь это такой трудный предмет. Приходится заучивать на память сотни страниц.

– А Берн?

Чезаре как будто не расслышал. Послюнив палец, он пытался стереть пятно на рубашке. Я заметила еще одну перемену в его внешности: он сбрил бороду. Без бороды в его круглом гладком лице было что-то детское.

– Никола приедет через четыре дня, – сказал он, – и пробудет здесь неделю. Думаю, он будет заниматься, он всегда так говорит, но я уверен, что он обрадуется, увидев тебя.

Флориана вышла из дома со стаканом холодного чая. В других обстоятельствах я не обратила бы на это внимания, но в тот момент я решила, что не притронусь к напитку. Каждая мелочь ранила меня, словно очередное предательство: Чезаре без бороды, Флориана, которая, вместо того чтобы побыть с нами, тут же пошла развешивать белье на веревке, натянутой между двумя деревьями, и новый обитатель фермы, Яннис, который успел переодеться и сейчас, полуголый, молча убежал в сторону фруктового сада.

Сколько часов я провела в мечтах о ферме и о них всех...

Я не решилась в третий раз спросить о Берне, а поинтересовалась, где Томмазо.

– Томми теперь тоже взрослый. У него своя жизнь. Он работает в Массафре, в отеле для богачей. Как называется отель, Флориана?

– «Замок сарацинов».

– Верно, «Замок сарацинов». Тот, кто придумал это название, не имел понятия, чем занимались сарацины в здешних краях. – Чезаре коротко рассмеялся, а за ним и я – сработал подражательный рефлекс.

Мне надо было только произнести: «Правда, что какая-то девушка забеременела от Берна?» – но почему-то казалось, что это будет, как если бы я дала пощечину Чезаре. Я смотрела, как он откидывается на спинку стула и выпускает глубокий вздох.

– Думаю, обед сегодня отменяется. Слишком жарко. Но мы, конечно, будем рады, если ты еще побудешь с нами.

– Меня ждут дома.

Чезаре встал:

– Ну, если так... Я скажу Николе, что ты приехала.

Где-то в саду Яннис обивал палкой миндальное дерево. Мы слышали скрип веток и частый, как град, стук падающих орехов. Чезаре порывистым движением отер платком лицо.

– Тебе бы нужен новый велосипед, – заметил он.

Не знаю, как описать последующие дни, состояние, в которое я впала. Это было похоже на детские ночные страхи: когда я была маленькая, то ночью пристально смотрела на светящийся прибор от комаров, пока не начинала ощущать дыхание комнаты, чувствовать, как она расширяется и сжимается. Ничто больше не удерживало меня здесь, у бабушки, – разве что призрачная, безумная надежда на возвращение Берна. Да и ехать обратно в Турин тоже не было смысла: одноклассники, по которым я уже начала скучать, разъехались кто куда. И я решила дожидаться приезда Николы.

Я проводила много времени в бассейне, плавая на надувном матрасе. Отталкиваясь то от одного края, то от другого, я вспоминала ночь, когда увидела купающихся ребят. С тех пор бассейн опорожняли и снова наполняли минимум три раза, несколько раз обрабатывали хлоркой и средством от водорослей; но вдруг там уцелела хоть одна молекула от кожи Берна? Мысли вроде этой не давали мне покоя. Я окунала руки в воду и терла себе живот и плечи.

Бабушка была ко мне все так же внимательна, как в первый день. Она даже перебралась со своим чтивом с дивана на лежак у бассейна, просто чтобы быть поближе ко мне. Она устраивалась в тени, под зонтом, а однажды даже надела купальник. И я увидела ее голые ноги, которых не видела уже много лет: они были бледные, дряблые, в коричневых пигментных пятнах. Она долго лежала не двигаясь, с закрытой книгой в руках, как будто обдумывая что-то. Затем вдруг решительно повернулась ко мне и сказала:

– А ты знаешь, что твой отец был почти женат, когда встретил твою маму?

Я схватилась за лесенку в бассейне, чтобы матрас не вертелся.

– Он был примерно в твоём возрасте, когда познакомился с ней. Её звали Марианджела. Красивая была девушка.

Я соскользнула с матраса в воду: там было неглубоко.

– Когда он сказал мне, что хочет на ней жениться, меня чуть удар не хватил. Конечно, я была против, но ты же знаешь, какой упрямец твой папа. И мы с ним уговорились: сначала он окончит университет, а потом женится на Марианджеле.

Я попыталась представить себе эту девушку, но не смогла. На секунду бабушка повернула голову в сторону дома. Её как будто что-то тревожило. Может, она боялась, что папа подслушает нас? Или уже пожалела, что открыла мне этот секрет?

– И он уехал в Турин и поступил на политехнический факультет. В первый год он приезжал сюда каждый месяц, всякий раз, когда у него были на это деньги. Начал давать уроки, чтобы оплачивать билеты на поезд. Затем приехал на каникулы. И сразу побежал к ней, но как только увидел, понял: у них больше нет ничего общего. И в тот же день они расстались. Это лето было ужасным для всех.

Она вытянула ноги и стала сгибать и разгибать щиколотки.

– Через год он встретил твою маму, – без выражения закончила она.

– А она знает?

– Кто? Твоя мама? Возможно. Но мне кажется, что нет.

– Думаешь, он ей ничего не сказал?

– Ах, Тереза! Если двое поженились, это не значит, что теперь они будут рассказывать друг другу обо всем.

От бабушки мне достались выпуклые ногти на ногах и на руках. Я ещё не решила, красиво это или уродливо. Она жаловалась, что с возрастом ногти стали вращаться.

– Вот что я тебе скажу: глупо думать, будто различия между двумя людьми исчезнут только оттого, что ему или ей так хочется. Твой отец впустую потратил годы, которые мог бы употребить с большей пользой. Почти наверняка они с Марианджелой были бы счастливы.

– Счастливы?

– Несчастливы. Я сказала: они с ней были бы несчастливы.

– Мне показалось, ты сказала: счастливы.

Бабушка покачала головой.

– Посмотри, во что превратились мои колени, – сказала она, погладив себя по ляжкам и обхватив колени ладонями, как два апельсина.

Повернувшись, она взглядела мне в лицо:

– В жизни другого человека всегда приходится многое открывать для себя, Тереза. Открывать снова и снова. И порой думаешь: лучше бы ты не начинала.

Никола пришел ко мне однажды вечером, на закате. Я увидела его в окно, он стоял рядом со служанкой Розой: рядом с ним она казалась чуть ли не карлицей. Она как будто что-то объясняла ему, он слушал и кивал, но слов было не разобрать, да меня, в общем, и не интересовало, что они там говорили друг другу. Я попросила Николу немного подождать, оделась, накрашила ресницы и спустилась к нему.

Я сразу заметила, как изменились его манеры: в них появилась продуманная сдержанность. Он никогда не был самым бесшабашным во всей компании, а, оставшись в одиночестве, становился подчеркнуто серьезным. Он спросил, не хочу ли я пройтись, я ответила, что лучше съездила бы в Скало. Ему не хотелось туда, но я его уговорила. С тех пор как я безвылазно сидела в доме бабушки, он стал казаться мне тюрьмой.

В Скало народу было немного, мы сели за столик в середине поляны. Море было беспокойное – из-за трамонтаны. Никола пошел взять нам по пиву. Похоже, он был горд, что может наконец продемонстрировать, какой он галантный кавалер, и счастлив, что оказался наедине

со мной. Это раздосадовало меня. Из них троих его общество всегда было мне наименее приятным. Прошлым летом осложнились отношения между мной и Томмазо, но с ним мне, по крайней мере, было не скучно.

Внезапно на меня нахлынула волна грусти. Я пожалела, что уговорила Николу привезти меня сюда. Вряд ли у нас с ним завяжется хоть какое-то подобие разговора.

– Твой отец говорит, что ты хорошо учишься в университете, – выдавила из себя я.

– Он всем это говорит. На самом деле – ничего особенного. Скажи, тебе хотелось бы побывать в Бари? Мы с тобой могли бы съездить туда в ближайшие дни.

– Посмотрим.

Руки у него выглядели как-то неестественно: очень большие и до странности гладкие с тыльной стороны ладоней. Кроме того, он слишком сильно надушился.

– У тебя там есть девушка? – спросила я. Мне хотелось, чтобы он выбросил из головы всякие фантазии насчет меня, включая совместную поездку в Бари.

Никола помрачнел.

– Ну, не то чтобы...

Гирлянды горящих лампочек дрожали от ветра. Часть из них была разбита. Интересно, подумала я, это те же, что светили здесь прошлым летом?

На будущий год к моему приезду здесь ничего не изменится.

– А у тебя есть парень? – спросил Никола.

– Так, ничего серьезного. – Я не хотела выглядеть несчастной страдальницей, которая все это время ждала кого-то, но так и не дождалась. – Только легкие увлечения.

– Легкие увлечения, – разочарованно повторил Никола.

– Где он?

Никола невозмутимо глотнул пива.

– Понятия не имею. Он исчез.

– Исчез?

– Уехал однажды ночью. Ты, наверное, заметила прошлым летом, что он стал каким-то странным.

– Ничего такого я не заметила.

Я не понимала, почему говорю с ним так резко, как будто это он во всем виноват.

– Что значит «странным»?

– Он был... как бы это сказать... Нервозным. И злым, особенно по отношению к Чезаре. Меня всегда удивляло, что Никола называет родителей по имени.

– Чезаре снисходительный, – продолжал Никола, – он считает, что каждый вправе вести себя, как ему нравится, до тех пор, пока это не задевает других. Он никогда никого не заставлял что-то делать против воли. Но Берн... он его провоцировал. Особенно когда начал читать все эти книги и перелистывал их прямо у него перед носом.

– Какие книги?

– Самые разные, но кое-что у них было общее: их написали люди, которые отвергали Бога. Ницше, Шопенгауэр. Чуть не каждый день Берн оставлял Чезаре на столе одну из таких книг, где он выделял маркером самые вопиющие места, чтобы Чезаре обратил на них внимание. – Никола подобрал пруттик и его заостренным концом стал вырезать на гладкой поверхности стола вертикальные линии. – Чезаре не давал ему ни малейшего повода для такого отношения. – Он помедлил, потом произнес: – Знаешь, что мне однажды сказал Чезаре?

– Что?

– Он сказал, что в Берна вселился нечистый.

– В смысле?

– Нечистый – это дьявол, Тереза. Чезаре знал, что он сидит у Берна внутри. И каждый день молил Бога, чтобы он не проснулся. Увы.

– Неужели ты веришь во все это? – возмущенно спросила я.

Прутик сломался пополам. Никола озадаченно взглянул на половинки и отбросил их.

– Если бы ты лучше его знала, ты бы тоже поверила.

Я хорошо его знала. Мы были с ним в зарослях. Он исследовал языком мое тело.

– Если так говорит Чезаре, еще не факт, что это правда, – сказала я.

– Берн был сердит на него из-за того, что Томмазо ушел. Говорил, что Чезаре выгнал его.

Но его никто не выгонял. Томмазо уже исполнилось восемнадцать. Совершеннолетний парень уходит с фермы, чтобы зажить своей жизнью: обычное дело. Если бы не Чезаре, Томмазо до сих пор торчал бы в детском доме при тюрьме. Но Берн его так и не простил. Они с Томмазо всегда были как сиамские близнецы. Помнишь, как они плакали в тот вечер, в день рождения Томмазо?

Я инстинктивно повернулась к тому месту, где Берн и Томмазо лежали на скалах во время праздника. Сейчас там никого не было. Чуть подальше, за колючей проволокой, на пустыре, висилась башня. Кажется, в зарослях крапивы возился какой-то зверек.

– А девушка?

Никола впился в меня взглядом, очевидно пытаюсь угадать, многое ли мне известно. И я поняла: он не заговорил бы на эту тему, если бы это не сделала я сама. Он покачал головой, словно ему нечего было добавить от себя.

– Кто она?

Поднеся ко рту стакан, Никола заметил, что там пусто. Он казался растерянным. Наверное, представлял себе этот вечер совсем иначе: я это понимала, но мне было все равно. Я подтолкнула к нему свое пиво, к которому едва притронулась, и он поблагодарил меня кивком.

– Я видел ее всего несколько раз, ведь я теперь живу в Бари. У нее были проблемы с деньгами и... возможно, с наркотиками. Когда она забеременела, Чезаре согласился приютить ее на ферме. Ей было больше некуда идти.

Он прикинул, какое впечатление произвели на меня его слова. Я старалась оставаться бесстрашной, но думала о кусках мыла, превращенных в контейнеры для гашиша, и о том, какой глупой выглядела эта затея сейчас, когда события опередили меня.

Затем Никола произнес:

– У нее было странное имя. Виолалибера.

Мне показалось, что я падаю навзничь, и я ухватилась за скамейку.

– Виолалибера, – повторила я.

– Она... – он осекся.

Я была ошеломлена и, наверное, сильно побледнела.

– Что «она»?

Никола протянул свою ручищу к моему лицу, откинул волосы со лба и погладил щеку с нежностью, какой я от него не ожидала.

– Ничего. Я очень тебе сочувствую.

– Я хочу домой.

– Прямо сейчас?

– Да, сейчас.

– Как хочешь.

Однако прежде чем мы собрались уходить, прошло еще несколько минут. Скало никак не наполнялся. Девушка, продававшая пиво, стояла со скучающим видом, облокотившись на окошко своего фургона. Мы с ней долго глядели друг на друга через плечо Николы, пока она не уставилась на меня, словно спрашивая: какого черта ты пялишься?

На следующее утро я сказала папе, что собираюсь вернуться в Турин. Он спросил почему, как будто не знал причину. А я наврала, что хочу подготовиться к началу нового учебного года вместе с Лудовикой (которая на самом деле уехала с женихом в Форментеру), как будто

рассчитывала, что он мне поверит. Папа сказал, что это даже не обсуждается: он не позволит мне несколько часов ехать одной на поезде; но позже бабушка, очевидно, уговорила его, потому что за обедом он объявил: вечером едем за билетом.

Когда я вспоминаю об этом сегодня, то думаю: лучше бы отец тогда поступил иначе, заставил бы меня сесть в машину и повез бы куда-нибудь далеко, на пляж в Кампомарино, а потом – ужинать на террасе в Галлиполи. Это не заменило бы мне пляж и ужин с Берном и все же позволило бы развеяться, предотвратило бы то, что случилось потом. Но после обеда он пошел к себе прилечь. А в пять часов мы с ним поехали на станцию и купили билет на ночной экспресс до Турина, на вечер следующего дня.

Я уложила вещи. Время от времени накатывала тошнота, приходилось садиться и делать глубокие вдохи. Я разозлилась на Розу за то, что она засунула в стиральную машину джинсы, которые я собиралась, а теперь не смогла бы взять с собой в Турин. Через час, выстиранные и поглаженные, они лежали на кровати рядом с чемоданом.

Утром я видела, как Козимо и Роза уехали на машине. Не помню, возникла ли у меня эта идея в один миг, или медленно созрела тоскливой бессонной ночью, но я залезла в ящик, где бабушка держала запасные ключи, и взяла ключ от сторожки. Там я достала со шкафа банку с красным долгоносиком. Потом села на велик и так быстро, как только могла, понеслась на ферму.

Чезаре стоял на коленях возле ямы с нечистотами и с чем-то там возился. На нем были высокие резиновые сапоги и длинные перчатки. Ему помогал Яннис, который стоял рядом и держался за торчавшую из земли жердь. От ямы исходила омерзительная вонь.

Я сунула банку с жуком под нос Чезаре и спросила:

– И ему тоже? И этому паразиту тоже надо устроить похороны?

Чезаре изумленно уставился на меня.

– Ну, так как? – не отставала я. – У него тоже должна быть душа, верно? Надо его похоронить.

Чезаре медленно поднялся на ноги, снял перчатки.

– Ну конечно, Тереза, – негромко сказал он.

Я потребовала, чтобы собрались все, в том числе Флориана и Никола. Чезаре выкопал указательным пальцем крошечную ямку и положил в нее жука. Он прочитал псалом: «Все дни наши прошли во гневе Твоем, мы теряем лета наши, как звук». Потом Флориана что-то спела без гитары. От ее беззащитного голоса у меня подступили к глазам слезы. Ямку прикрыли землей, и в это самое мгновение я сказала себе: хватит, больше я не допущу, чтобы мысль о Берне изводила меня.

Потом мы с Николой шли через поля, и оба долго молчали.

– Я уезжаю, – сказала я наконец. – Думаю, больше не приеду в Специале.

Я не знала, стоит ли говорить эти слова, они казались мне слишком жестокими; и все же добавила: – Мне здесь делать нечего.

Мы шли вдоль стены с наполовину осыпавшейся штукатуркой. Я остановилась у цветка каперса, который распустился в одной из щелей. Сорвала его, минуту-другую повертела в руках, потом бросила на землю.

Мы перешли через цепь холмов и неожиданно оказались у зарослей.

– Зачем мы сюда пришли? – спросила я у Николы.

Он подошел к краю небольшой рощицы. Положил руку на ствол оливы. Затем взглянул на землю – не в точности на то место, где лежали я и Берн, а чуть правее.

– Я спросила, зачем мы пришли сюда, – повторила я. От волнения у меня сжималось горло.

– Берн и Томмазо были для меня как братья, – сказал он. – Ты знала об этом? Может, они двое и были сиаемскими близнецами, но тем не менее я был их братом.

– И что?

– Мы все делили на троих, – он поднял глаза на меня. – Все-все.

И девушка у вас тоже была на троих, подумала я. Виолалибера.

– Мне скоро на поезд.

– Но тебя Берн не захотел делить ни с кем. Сказал: она – только моя, и разговор окончен.

Он пригладил волосы. Вода в ручье бежала с негромким журчанием, никто не знал, где она пробивается из-под земли, а где опять уходит под землю. Я повернулась и торопливо зашагала к ферме. Никола и не подумал следовать за мной.

Отойдя на порядочное расстояние, я обернулась: он стоял все в той же позе, опустив одну руку, а другой опираясь о дерево; словно подсматривал за призраками, моим и Берна, слившимися в объятии, или призраками Берна и Виолалиберы, Томмазо и себя самого – каждого, кто лежал на этой земле, которую я, дуручка, считала только своей.

Я прошла между вековыми оливковыми деревьями, с серыми расщепленными, изглоданными ветром стволами. Узнала круглое детское личико, нарисованное узелками на коре одного из них. С тех пор, как я разглядела это лицо и показала его Берну, оно изменилось. Ствол не приметно изогнулся, и от этого лицо деформировалось, один глаз закрылся, а рот скривился в злой гримасе, – казалось, оно смеется надо мной.

В поезде у меня оказалось центральное место в купе на шестерых. На диванчике напротив лежал мужчина, завернувшись в жесткое серое одеяло с эмблемой железнодорожной компании. Несколько часов он пролежал неподвижно, но, когда я в очередной раз очнулась от короткого беспокойного сна, – было три или четыре часа утра, снаружи тьма непроглядная, – его уже не было.

По дороге на станцию бабушка рассказывала мне страшные истории про воров, которые орудуют в поездах, объясняла, что рюкзак надо подкладывать под голову, а конверт с документами пришить изнутри к поясу брюк. Контролер смущенно отвел взгляд, когда я полезла в брюки за билетом. У меня с собой была книга, но мне и в голову не пришло читать или слушать музыку. Я смотрела, как бегут фонари за окном, заляпанным грязными пятнами от пальцев, потом на черные распаханное поля и пролетающие мимо панно с названиями маленьких городков, о которых я раньше никогда не слышала.

Где-то в Абрुццо или Марке пошел дождь; окно сразу же запотело, а в купе стало сыро и невыносимо душно. От избыточной влаги у меня взмокло под трусами, но даже это не заставило меня встать. Я была словно парализована. Никогда раньше мне не доводилось испытывать такую жгучую боль, как будто мне вкололи огромную дозу яда. Меня неотвязно преследовала одна и та же картина – обнявшиеся Берн и Виолалибера. Так продолжалось до утра, и когда над равниной поднялось едва просвечивавшее сквозь дымку солнце, оно застало меня бодрствующей, все еще бодрствующей.

В последний год лица я училась с необычайным прилежанием, потому что не представляла себе, что мне еще с собой делать. Только так я могла помешать моему мозгу преодолевать тысячу километров, отделявших меня от Специале. Даже во сне я видела все то же самое. Мальчики в бассейне. Терпкие ягоды ежевики, от которых щипало язык. Заросли у ручья, а затем возвращение домой, к отцу: он непременно хотел во второй раз послушать любимую песню «Звезда над головой», а я не знала, куда деваться от тоски. Утром мама находила меня за письменным столом, спящую: она будила меня, осторожно погладив по голове, но потом проходили часы, прежде чем я могла привести искривленную шею в нормальное состояние.

Раз в два дня по вечерам я ходила в городской бассейн, чтобы наплаваться до изнеможения. У первой сигареты, которую я выкуривала после этого, был странный вкус, похожий на жженный пластик, меня это всякий раз удивляло. Когда я закончила последний учебный год с высшими оценками, это посчитали каким-то чудом. Никто не мог понять, почему я вдруг превратилась в зубрилу, никто не догадывался, что мне надо было забыть мальчика, с которым

я два года назад пережила такое приключение, мальчика, который, возможно, с трудом узнал бы меня, если бы увидел сейчас, и который, во избежание недоразумений, обрюхатил другую девчонку и сбежал вместе с ней.

Я обменялась двумя или тремя письмами с Николой, но письма эти были пустыми и банальными – как его, так и мои. И я перестала отвечать ему. В августе отец уехал в Специале один. Я, как и мама, не стала просыпаться рано утром, чтобы попрощаться. В последующие несколько дней я находила всевозможные предлоги, чтобы не звонить в Специале – и в итоге не позвонила ни папе, ни бабушке.

Я решила, что не буду задавать ему никаких вопросов даже после его возвращения; но он сам вошел ко мне в комнату, а с ним – резкий запах пота после долгих часов за рулем. Я в этот момент смотрела телевизор: показывали клип на песню «*Secretly*».

– В этом году там жарче, чем обычно, – сказал он.

– Да, я слышала.

– И такая засуха, какой не помнят даже старики. Это обещает хороший урожай оливок. – Он сел на кровать. – Несмотря на жару, я все-таки несколько раз съездил к морю. Было замечательно. Полный штиль, переливы красок на глади моря. Вода теплая, как бульон, даже слишком теплая.

Я повернулась к телевизору и сделала вид, что внимательно смотрю на экран, но папа не поддался на эту уловку. Герои клипа тем временем устраивали разгром в номере мотеля.

– А на ферме... – начал папа.

Я не шелохнулась.

– Ты не могла бы на минутку выключить телевизор?

Я нашарила на письменном столе пульт, но вместо того чтобы выключить, просто до минимума убавила звук.

– На ферме больше никто не живет. И на воротах табличка «Продается».

Я тихо спросила:

– А Чезаре?

– Уехал. Я поспрашивал местных жителей, но никто толком ничего не знает. Ведь они жили очень замкнуто. – Он произнес «они» с таким выражением, словно речь шла об инопланетянах. – Продать ферму будет непросто. Дом придется снести и построить новый. Если, конечно, на это дадут разрешение. Я уверен, что большинство построек там возведены незаконно. А сам участок вряд ли кого-то заинтересует. Бабушка говорит, что они годами свозили туда камни.

Наконец он встал и похлопал себя по ногам, чтобы отряхнуть пыль с брюк.

– Пойду приму душ прямо сейчас. Совсем выдохся. Да, забыл: бабушка просила передать тебе вот это.

Он протянул мне пакет, в котором было что-то твердое. Похоже, книга.

– Было бы мило с твоей стороны, если бы ты ей позвонила. Она очень огорчена, что ты в этом году не гостишь у нее.

Я проводила его взглядом. Потом попыталась представить себе, что вижу все это: безлюдную ферму, заколоченные окна и двери, табличку «Продается».

Клип заканчивался, картинки на экране беззвучно сменяли одна другую. Это был финал, когда девушка бросает двух своих спящих приятелей и исчезает в ночи. Я не дождалась последних кадров, выключила телевизор и развернула пакет, который прислала бабушка. Там был один из ее любимых детективных романов, «Охота за сокровищами» Марты Граймс. Что за чушь, подумала я. И положила роман на комод, даже не пролистав.

2

Много лет спустя только Томмазо и я помнили о тех августовских днях. Но к тому времени мы уже стали взрослыми и давно не виделись, если не считать вечера, когда я без приглашения явилась к нему домой и он меня выгнал, а я в отместку рассказала ему о том, что случилось с Берном.

И все же в эту рождественскую ночь, в его квартире в Таранто, где он жил уже несколько лет, я сидела у него на кровати, а он был настолько пьян, что не мог пошевелиться. Он довел себя до такого состояния, что даже не мог присматривать за своей дочерью Адой, почему и позвал меня, – наверное, последнего человека на свете, у которого ему хотелось бы просить помощи. С другой стороны, он точно знал, что я, как и он, сегодня ночью буду одна. Сейчас Ада заснула на диване в гостиной, и мы разговаривали полупшепотом, чтобы не разбудить ее.

Собака Медея, свернувшись калачиком, дремала у него в ногах, но при этом наблюдала за нами. В комнате светила одна только настольная лампа, на тумбочке, по другую сторону кровати. Она так и горела до утра, когда я поднялась, чтобы уйти, а в голове у меня, как осиный рой, гудело то, о чем я не знала раньше.

– Интернат был страшным местом, – сказал Томмазо.

Он цедил слова сквозь зубы, с усилием. Цвет лица у него был нездоровый, какой-то серобледный. Потому что нельзя столько пить, подумала я.

– Какой интернат?

– Учреждение, куда меня поместили, когда мой отец угодил в тюрьму.

– При чем тут это?

Не для того чтобы слушать про интернат, я сидела сейчас рядом с ним, а минуту назад угрожала уйти и оставить его одного с Адой, если он не решится наконец рассказать правду. Нам с ним надо было прояснить до конца что-то гораздо более важное, чем интернат, что-то, касающееся Берна, Николы, Чезаре и тех летних дней, которые мы провели вместе на ферме.

– На мой взгляд, с этого все началось, – ответил он.

– Ладно. Рассказывай.

Прежде чем начать, Томмазо дважды прижал ладони к своим исхудавшим щекам.

– Там всегда жутко воняло. Особенно в коридорах. Супом, мочой, хлоркой – в зависимости от времени суток. Или золой, после того как сторож сжигал отбросы во дворе. Мама говорила, что у меня обостренное обоняние, потому что я альбинос. Если со мной что-то было не так, она всегда говорила: «Это потому, что ты альбинос», то есть, выходит, сам виноват. Но про вонь в интернате она не смогла бы это сказать, потому что тогда ее уже не было на свете.

Я сидел на скамье между окнами и вдыхал запах собственной кожи, уткнувшись носом в прохладный сгиб локтя. О приходе Чезаре и Флорианы я узнал еще до того, каких увидел, – по запаху мыла, мятных карамелек и запахка кишечных газов. Кажется, я слегка дрожал. Неудивительно: мне было десять лет, и я ждал чужих людей, которые придут и заберут меня к себе.

Флориана села рядом, погладила мою руку, но пожимать не стала. Чезаре остался стоять. А я все еще сидел, уткнувшись носом в сгиб локтя, поэтому видел только тень Чезаре, растянувшуюся от пола к стене. Он тронул меня за подбородок, и я поднял голову. Тогда у него еще были усы, пушистые, аккуратно расчесанные усы; когда он волновался, то посасывал губу, чтобы пригладить их. Именно это он сделал, назвав свое имя. А я уже был в курсе: социальный работник сказала мне, что их зовут Флориана и Чезаре, и показала фотографию, на которой двое обнимаются на фоне желтой стены. «Очень верующие люди», – добавила она.

«Посмотри на него, – говорил Чезаре Флориане. – Не правда ли, он напоминает архангела Михаила с картины Гвидо Рени? – Потом обернулся ко мне и сказал в полголоса: – Архангел

Михаил сразил ужасного дракона. Я хочу рассказать тебе его историю полностью, Томмазо. У нас будет на это время, в машине. А сейчас собери вещи».

– Но в машине он сказал только, что их дом находится на линии Архангела Михаила, то есть на линии, соединяющей Иерусалим с островом Мон-Сен-Мишель. Может, это и была вся его история.

Я пытался запомнить дорогу, запомнить, в какой стороне остался мой отец, но запутался в лабиринте узких улочек, массе одинаковых деревьев и выбеленных стен. Когда мы наконец вышли из машины, мне показалось, что меня завезли на край света.

– Я внесу вещи, – сказал Чезаре, – а ты пока иди познакомься с братьями.

– У меня нет братьев, синьор.

– Верно. Я поторопился, извини. Ты сам должен решить, как тебе называть их. А сейчас не теряй времени. Они там, за олеандрами.

Я пробрался сквозь кусты, побродил по оливковой роще, сначала поблизости от дома, потом все дальше и дальше. У меня еще не угасла безумная надежда, что я смогу сбежать и вернуться с интернат – он ведь где-то здесь, недалеко. Я никогда раньше не бывал на природе: квартал, где я жил с родителями, находился в черте города.

Я уже собирался повернуть назад, как вдруг услышал голос: «Залезай к нам!»

Я повернулся направо, налево, назад, но никого не увидел; вокруг были только деревья, далеко отстоящие друг от друга.

– Мы на тутовнике, – продолжал голос.

– Что еще за тутовник?

Тишина, затем переговаривающиеся голоса, потом звук шагов. Из тени высокого дерева с ветвями, склонявшимися до земли, вынырнула какая-то фигура. Это был мальчик примерно одного роста со мной.

– Смотри, – сказал он, – вот это дерево – тутовник.

В тени дерева было темно и прохладно. В ветвях был устроен домик, к нему вела лесенка, прислоненная к стволу. Берн разглядывал меня. Когда он дотронулся до моей щеки, я вздрогнул.

– Ты такой белокожий, – сказал он, – наверно, очень чувствительный.

– Никакой я не чувствительный.

– Ну, если ты сам так говоришь... – И он ловко взобрался по лесенке в домик. – Можешь залезть сюда, как я.

В домике, поджав под себя ноги, сидел еще один мальчик.

– Погляди, какой, – сказал Берн, однако второй мальчик едва удостоил меня взглядом. – Хоть у кого-то хватило смелости взобраться сюда.

Я посмотрел вниз.

– Да тут от земли всего ничего. У кого угодно хватило бы смелости.

– А вот Гаэтано отказался, – объяснил мне Берн. – Сказал, у него голова кружится.

– Вы сами построили этот домик?

Сооружение не казалось мне особенно прочным. Но мой вопрос остался без ответа.

– В скат играть умеешь? – спросил Никола.

– Я в покер умею.

– Это что еще за штука? Садись, мы научим тебя играть в скат.

Я уселся, поджав под себя ноги, как они. Они кое-как, перебивая друг друга, объяснили мне правила ската. До самого вечера мы не произнесли ни единого слова, помимо тех, которые нужно говорить за игрой. А потом мальчики сказали, что настало время молитвы. Я не удивился: в интернате мы тоже молились. Но я не представлял себе, насколько здесь все будет иначе. Мы спустились с дерева, пролезли через кусты олеандров и увидели беседку, где горела голая электрическая лампочка. Кто-то из двоих, кажется, Берн, обвил рукой мою шею. Я не

сопротивлялся. У меня никогда не было братьев. Мне было десять лет, и до этого дня я не понимал, как мне их не хватает.

Томмазо минуту молчал. Наверное, от мысли о первом дне, проведенном на ферме, по всему его телу разлился покой. Мне было знакомо это умиротворенное чувство, которое возникало при каждом воспоминании, связанном с Чезаре.

– От его взгляда все наполнялось светом, – продолжал Томмазо, – и ферма, и равнина вокруг, и ночь, и день, но особенно – мы, мальчики. Стоило тебе во время урока вздохнуть глубже обычного, чтобы после занятий Чезаре взял тебя за плечо своей железной хваткой и сказал: ну-ка, пойдём поговорим.

Он усаживался с тобой под лиственницей и ждал – ждал, сколько потребуется, иногда целый час, – когда у тебя вырвется несколько слов, позволяющих понять, в чем дело. В десять лет просидеть столько времени со взрослым, не раскрывая рта, – это невыносимо. Я думал об остальных, собравшихся за столом: они проголодались, но не могли начать обедать без нас: а я не понимал, чего хочет от меня Чезаре. А Чезаре все ждал и ждал, он прикрывал глаза, возможно, его клонило в сон, однако его железная хватка на моем плече не ослабевала. Потом внезапно первое слово взбухало на моих губах, точно пузырек слюны. Чезаре кивком головы подбадривал меня. И за первым словом следовало второе, и в итоге я выкладывал все. Он давал мне выговориться, затем наступала его очередь. Он долго комментировал услышанное, как будто знал заранее, о чем я должен был ему рассказать. Мы с ним молились, взывая к высшему милосердию и мудрости, потом присоединялись к остальным, и в последующие несколько часов я чувствовал себя таким легким, что, кажется, захотел бы – взлетел.

Домик на верхушке тутовника был нашим единственным убежищем. Сквозь густые ветви Чезаре не мог нас разглядеть. А травма бедра, которую он получил в Тибете, не позволяла ему взбираться по лесенке. Вот почему мы проводили здесь большую часть свободного времени. Иногда Чезаре подходил к тутовнику и снизу спрашивал: «Все в порядке?» Несколько секунд он ждал ответа, вглядываясь в щели между досками, но мы закрыли их мешковиной, которую стащили из сарая с инвентарем. Наконец, потеряв терпение, он уходил.

Иногда мне кажется, что растление проникло в домик на дереве вместе со мной, однако, быть может, это не так, быть может, виной всему была юность; юность, внезапно забывающая о добродетели. Конечно, это я научил Берна и Николу ругательствам, которые слышал в столовой интерната. На тутовнике мы повторяли их по очереди, чтобы как следует посмаковать. Я показал им видеоигру, которую не нашли при осмотре моих карманов: они наслаждались ею, пока не разрядились батарейки. Помню, одно время мы поспорили, кто из нас съест больше листьев, корней, семян, ягод и цветов всех растений на ферме. Мы жевали по очереди стебли герани и корни мирта, едва распустившиеся листья груши и миндаля, почки лантаны. Нас невероятно возбуждала мысль о том, кто первым найдет яд. Перед тем как вернуться к Чезаре, мы наедались приторно-сладкими тузовыми ягодами, чтобы перебить мешанину вкусов во рту.

Однажды Берн нашел за дровяным сараем раненого зайца. Мы принесли его в домик и уложили на пол. Он глядел на нас своими блестящими, как стекло, полными ужаса глазами. И тут на нас что-то нашло.

– Убьем его, – предложил я.

– Мы будем прокляты, – отозвался Никола.

– Нет, если это будет жертва Господу, – возразил Берн.

Я схватил зайца за уши. Кончиками пальцев я почувствовал, как пульсирует кровь в его жилах, или, быть может, в моих. Берн взял ножницы и ткнул одним из концов шею зайца, но недостаточно сильно. Зверек вздрогнул и чуть не вырвался.

– Режь! – крикнул Никола. Глаза у него были бешеные.

Берн взял зайца за здоровую заднюю лапу и дернул вниз. Затем сложил ножницы и вонзил их в горло, под прямым углом, как кинжал. Острые прошило тело насквозь и показалось с

другой стороны, натянув, но не прорвав кожу. Когда Берн вытащил ножницы, из горла хлынул фонтан темной крови, но заяц был еще жив, он бился у меня в руках.

Берн стоял словно окаменев, с ножницами в руках. Теперь казалось, что заяц умоляет добить его, и сделать это как можно скорее. Никола оттолкнул Берна локтем, выхватил у него ножницы, всадил их в рану, раскрыл и перерезал зайцу сонную артерию. Кровь брызнула мне в лицо; у нее был запах металла.

Зайца зарыли подальше от дома. Мы с Берном руками выкопали яму, Никола стоял на стреме. Несколько дней спустя вернувшись на это место, мы увидели там крест, сделанный из двух деревянных планок и воткнутой в землю. Чезаре ничего не сказал нам по этому поводу. Но в тот день он с долгими выразительными паузами прочитал нам отрывок из Книги Левит:

«Только сих не ешьте из жующих жвачку и имеющих раздвоенные копыта: верблюда, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечист он для вас²; и зайца, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечист он для вас; и свиньи, потому что копыта у нее раздвоены и на копытах разрез глубокий, но она не жует жвачки, нечиста она для вас; мяса их не ешьте и к трупам их не прикасайтесь; нечисты они для вас³».

– Нечисты. Нечисты они для вас, – минуту спустя произнес Томмазо. Затем повторил шепотом: – Нечисты.

Томмазо умолк и сжал кулаки, захваченный какой-то мыслью.

– Но журналы приносил Никола, – сказал он наконец. – Флориана иногда посылала его в деревню за покупками. Берн был в ярости, что эта привилегия досталась не ему. Он знал, что Никола на оставшуюся мелочь покупает себе мороженое, но его злило даже не это, а молчаливое потворство Флорианы, ее особое отношение к родному сыну, на которое Чезаре закрывал глаза и которое принимало самые разные формы. Мне было все равно. Я не мешал им. Ну и ладно. К тому же раз в месяц и мне разрешалось съездить в город – на встречу с отцом. Один только Берн не мог выбраться за пределы сельской местности. Когда Никола или я возвращались после очередной недолгой отлучки, он пожирал нас глазами, но мужественно скрывал обиду. «В городе? – говорил он. – Слушайте, да что там такого интересного, в этом вашем городе?»

Как-то раз Никола посмотрел на журналы, лежавшие на прилавке в газетном киоске. Глянул разок, мимоходом, – и все; так, во всяком случае, ему показалось. Но продавец это заметил и сразу же предложил: «Возьми парочку. Я тебе их дарю».

Никола готов был удрать, но он еще не купил газету для Чезаре, а если бы он вернулся без нее, пришлось снова туда идти.

– Не беспокойся, твоему отцу я об этом не скажу, – пообещал продавец, – это будет наш с тобой секрет. У вас, ребят, там маловато развлечений, верно?

В домике на тутовнике мы долго спорили, перед тем как открыть журналы. Никола уверял, что не заглядывал в них по дороге. В итоге мы решили просматривать по две страницы в день – это будет не таким большим грехом. Мы с Николой и Берном часто говорили о грехах и о заповедях. Вера, которой учил нас Чезаре, состояла преимущественно из этого. А может, это было единственное, что мы способны были понять в вере, к которой он пытался приобщить нас.

Мы нарушили уговор. В тот же день, после обеда, мы просмотрели журналы целиком, изучили вдоль и поперек, изумленно, жадно, без улыбки, словно заглянули напрямиком в адскую бездну. Ибо что еще, кроме ада, могло скрываться в этой сфотографированной плоти и в нашей собственной плоти, воспламенявшейся при разглядывании фотографий? Уже тогда мне бро-

² Лев. 11:4.

³ Лев. 11:6–7.

сились в глаза неточности, потому что я смотрел на эти фотографии иначе, чем мои братья. Но они этого не замечали, по крайней мере, тогда. А может, не заметили и потом.

Берн и Никола вдруг сбросили одежду: их нагота предстала передо мной внезапно, как грибы вылезают из земли. Было начало июня, линолеум на полу, наши локти и колени были сплошь в лиловых пятнах от ягод тутовника.

– Ты тоже раздевайся, – скомандовал Берн.

– Не хочется.

– Раздевайся, – повторил он. И я повиновался.

Какие они смуглые, и какой я белый: если сравнить ноги, их и мои, разница была просто поразительная. Мы забыли о журналах: они сработали, как затравка, и в дальнейшем нам не понадобились. Теперь нам было достаточно взглянуть на одного из нас. Это была новая разновидность единения, волнующая и не нуждавшаяся в словах.

Вечером, за ужином, нам было так стыдно, что мы наглухо отгородились от Чезаре и стали для него непроницаемы. Так мы научились ему лгать. Назавтра наша ложь стала более смелой, чем была накануне, послезавтра – еще смелее, и то же самое происходило в каждый из последующих дней.

В те годы с нами на ферме жили и другие мальчики, их имен я уже не помню. Чезаре заставлял нас играть с ними, но мы держали их на расстоянии. Никому из них не позволяли забираться на тутовник. Так или иначе, надолго они у нас не задерживались: в одно прекрасное утро мы вдруг замечали их отсутствие.

Но со временем домик на дереве стал слишком тесным даже для нас троих. Мы перестали им пользоваться, и в последующие зимы сгнили сначала доски, служившие ему полом, потом веревки, которые их связывали. Последним туда поднялся Никола. Он обнаружил в ветвях гнездо шершней и от испуга отпрыгнул назад, дощечка у него под ногами не выдержала, он упал и сломал ключицу. Мы планировали построить себе новое убежище, более просторное, может быть на нескольких деревьях, соединенных между собой тибетскими мостиками; но этого не случилось. Нам было все труднее угнаться за временем. В сентябре 1997 года...

Томмазо вдруг остановился. Он начал считать на пальцах, медленно, словно этот подсчет требовал от его ослабленного алкоголем мозга какого-то невероятного усилия.

– Нет, это был еще девяносто шестой. Сентябрь девяносто шестого. Никола поступил в классический лицей в Бриндизи, в последний класс. А я, чтобы не отстать, начал брать частные уроки у одного преподавателя в Пеще-ди-Греко. Из комнаты, где мы жили вдвоем, меня переселили в ту, где Чезаре хранил свои картины, – чтобы мне легче было сосредоточиться. Эта комната всегда была заперта. Чезаре не позволял смотреть на свои картины. Никола рассказывал, что одно время он продавал их на рынке в Мартина-Франка, но, услышав замечание какого-то прохожего, решил не показывать их больше никому. Разумеется, мы много раз потихоньку залезали в эту комнату и знали, что на картинах Чезаре изображен один и тот же пейзаж: усеянный красными цветами луг, где растут столетние оливы. На переднем плане – цветок выше остальных, прямо-таки гигантского размера. Этот гигантский мак был сам Чезаре – разве не очевидно? Хотя я не уверен, что тогда для меня это было так же ясно, как теперь.

Теперь у Николы были новенькие учебники, собственные словари – английский и даже латинский, а нам с Берном приходилось пользоваться истрепанным, развалившимся на три части, словарем Чезаре, где некоторые слова было уже невозможно прочитать. Никола запретил нам прикасаться к его учебникам – сказал, они чужие и дорого стоят, он их одолжил, – как будто мы не смогли бы аккуратно с ними обращаться.

Утром он уезжал с Флорианой на форде, после обеда возвращался на автобусе. Он был освобожден от работы на ферме, потому что во второй половине дня ему надо было заниматься. А мы с Берном работали за него, и на это уходила часть времени, предназначенного для уроков Чезаре. Впрочем, ему как будто уже не очень хотелось с нами расслаживаться. Он

давал нам темы для сочинений и надолго уходил, а вернувшись, нередко забывал прочесть то, что мы написали.

А потом появился компьютер. Две здоровенные коробки на кухонном столе, загадочные, как тотемы. Установщик вскрыл их и вытащил части компьютера, упакованные в целлофан. Мне страшно хотелось их потрогать. В интернате был телевизор, по вечерам у нас случались драки из-за выбора каналов, но за годы, проведенные у Чезаре, я отвык от современной техники. На ферме не было даже радио. А теперь вдруг компьютер! В нашем доме!

– Несите в мою комнату, – скомандовал Никола, когда установщик спросил, к какой розетке подключать.

Берн взорвался:

– Почему это в твою комнату?

– Потому что он мой, – ответил Никола, и у него на лице, как мне показалось, промелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

Берн преградил дорогу установщику таким резким движением, что тот чуть не споткнулся. Поняв, что не сможет ничего изменить, он спросил:

– А пользоваться им мы сможем?

Чезаре надел очки, чтобы прочитать надписи мелким шрифтом на коробках, но, судя по его озабоченно сдвинутым бровям, все равно ничего не мог разобрать.

– Мы-то сможем им пользоваться или как?

Чезаре испустил глубокий вздох. И ответил, спокойно глядя Берну в глаза (хотя в его голосе, быть может, впервые за все те годы, что я знал его, прозвучали неуверенные нотки):

– Компьютер принадлежит Николе. Его преподаватель... – Он запнулся. – Потерпите. Ваше время еще придет.

Флориана стояла на пороге кухни и смотрела на мужа; ее губы были плотно сжаты, и я понял, что это решение они приняли совместно.

Берн чуть не плакал: компьютер, который он хотел как ничего и никогда в жизни, установили в помещении, куда запрещалось входить.

– А по какому закону?

Никто ему не ответил. Установщик разматывал и соединял провода.

– По какому закону, Чезаре? – повторил Берн.

Если между ними произошел непоправимый разлад, случилось это именно тогда, во время короткой паузы между вопросом и ответом. Из-за компьютера.

Чезаре ответил:

– Невозжелай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни...

Громко хлопнула входная дверь. Берн растворился в вечерней тьме. Мне было так больно за него! Вдруг я услышал музыку. Экран компьютера светился, безмятежно взирая на нас, а мы изумленно таращились на него.

Ночью Берн высказал мне все, что было у него на душе:

– Это несправедливо! Они и так уже отдали ему нашу общую комнату.

– Никола старше нас.

– Всего на год!

– Давай не будем мелочными.

Я не сказал ему, что для меня так было даже лучше. Сейчас, просыпаясь среди ночи от очередного кошмара, в котором мне снился отец, я мог смотреть на спящего Берна без опасения, что кто-то это увидит. Мог подойти к кровати и слушать его дыхание: это меня успокаивало.

– Тебе все безразлично, – сердился он, – даже то, что Никола поступит в лицей, а мы останемся тут, взаперти. Ты не хочешь учиться. Тебя вообще ничего не интересует.

Неправда. Разговаривать с ним в темноте или, если мы оба молчали, слушать, как с карниза падают капли после вечерней грозы: вот что меня интересовало, и это было лучше всего, что случилось со мной до сих пор. Но почему ему этого было мало?

– Как ты думаешь, на какие деньги они оплачивают частные уроки для Николы? – не унимался он.

– Не знаю. На зарплату Флорианы?

Что-то стукнуло меня по лицу: это был скомканный носок. Я бросил его обратно, но промахнулся.

– А на какие деньги они купили компьютер, дурак ты несчастный?

– Тоже на зарплату Флорианы?

– Вспомни: Чезаре получает деньги за то, что держит нас у себя.

Мне не хотелось, чтобы Берн говорил об этом. «Компенсация расходов» – так это называлось в официальных документах. «Компенсация» – я чувствовал, что это слово написано на мне, точно на этикетке, прицепленной к товару.

– Ну и что?

– А то, что моя мама, как ты понимаешь, тоже посылает ему деньги. При том что все мы тут братья. Посылает каждый месяц. А он тратит их как хочет.

Я увидел, как его тень села на кровати.

– С завтрашнего дня начинаем забастовку, – заявил он.

– В смысле?

– Помнишь книгу про барона, который забрался на дерево?

– Хочешь, чтобы мы жили на оливах? Это и есть твой план? Ты меня извини, но они слишком низкие и растут слишком далеко друг от друга. И Чезаре легко сгонит нас палкой.

И все же я сделал бы это, если бы он меня попросил, ради него я согласился бы просидеть на дереве всю жизнь. У меня было столько непроизнесенных, непроизносимых фраз, которые так и застряли в горле.

– Нет, на деревья мы не полезем, – сказал Берн, – мы ляжем на землю.

Когда Берн глубоко задумывался, он поднимал локоть на девяносто градусов и поглаживал себе ключицы.

– Барон будет для нас примером, но мы все сделаем на земле. С завтрашнего дня – никаких уроков. Никаких молитв. И никакой работы.

Я отвернулся лицом к стене. Однажды, несколько лет назад, мы ночевали в домике на дереве, якобы для того, чтобы поглядеть на падающие звезды. К утру воздух стал холодным и влажным, мы прижались друг к другу, чтобы согреться, но это не помогло. Босые и дрожащие от холода, мы побежали в дом, по дороге я наступил большим пальцем на слизняка. Потом Чезаре принес нам по чашке горячего травяного отвара. Он был добр ко мне, добрее, чем к кому-либо другому. Он не заслужил от меня неповиновения.

– Ну, так как? Согласен? – спросил Берн.

– Забастовка, – тихо произнес я, вслушиваясь в это странное слово. – Я не против.

Утром мы собрались под лиственницей для восхвалений. Из ежедневных молитв я любил их больше всего. Только по утрам Чезаре позволял нам надевать туники, в которых несколько лет назад мы приняли крещение. Он говорил, что при пробуждении мы чище.

Он прочел мало понятный отрывок из Книги Иезекииля, который я слушал урывками. Все позади, повторял я себе, сон очистил сердце Берна.

Чезаре попросил его найти в Евангелии от Матфея главу, где упоминается Гефсиманский сад. Флориана передала Берну Библию, он ее открыл. Находить в Библии нужные строки он умел лучше всех нас, а в последнее время даже лучше самого Чезаре. Берн положил раскрытую книгу перед собой, сделал вдох, чтобы начать чтение, но не издал ни единого звука.

– Смелее, – подбодрил его Чезаре.

Берн быстро взглянул на небо, потом снова на книгу. И закрыл ее.

– Я не буду читать, – сказал он.

– Не будешь? Но почему?

Щеки у него залились краской. Я надеялся, что он не вылезет с разговором о компьютере в такой неподходящий момент, это сделало бы его смешным даже в моих глазах. Но Чезаре и так догадался, в чем дело. Он забрал Библию у Берна и передал мне.

– Томмазо, будь добр, почитай нам сегодня.

Со всех сторон нас обступали оливы. Если исключить дом и столбы с электропроводами, здесь были только мы и поля вокруг. Мы могли бы быть учениками, собравшимися в Гефсимании. Но если так, подумал я, среди нас должен быть свой Иисус, и должен быть свой Иуда.

– От Луки? – спросил я, медленно переворачивая страницы.

– Я сказал «от Матфея», – поправил Чезаре. – Двадцать шесть, тридцать шесть.

Я нашел это место. Берн ждал от меня доказательства верности. Однако если бы он не получил его, все равно бы меня простил. Раньше или позже он должен был смягчиться.

Но он выкрикнул:

– Не читай!

В его голосе слышался не наглый вызов, а отчаянная мольба.

– Томмазо, мы тебя слушаем, – настаивал Чезаре.

– «Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания...»

– Не читай, Томми, – произнес Берн, но уже тише. Он знал, что держит меня в кулаке.

Я отложил книгу. Чезаре спокойным движением взял ее и передал Николе. Тот начал читать, все время запинаясь, останавливаясь посреди фразы. Не успел он дочитать отрывок до конца, как Берн вскочил на ноги. Заведя руки за спину, он схватился за тунуку, дернул ее кверху и сорвал с себя через голову. Потом бросил на землю, словно какую-нибудь рвань. Он часто дышал, плечи у него дергались. Бедный Берн! Он остался в одном белье перед лицом природы, такой незащищенный, такой рассерженный.

Все присутствующие обменялись выразительными взглядами, но не сказали ни слова.

«Теперь твоя очередь, ты обещал», – таков был безмолвный приказ, полученный мной от Берна.

«Останови их!» – не разжимая рта, попросила Чезаре Флориана.

«Что происходит?» – недоуменно спросил у Флорианы Никола.

«Не вздумай делать, как он, вспомни: меня с тобой не связывает ничего из того, что связывает меня с ним», – этот сигнал послал мне Чезаре.

«Пускай дойдут туда, куда собирались дойти» – это было послание Чезаре Флориане.

От меня – Берну: «Это уже слишком!»

Ответ: «Сделай это! Сейчас же!»

Но никто не издал ни звука, кроме лиственницы, шелестевшей под ветром. Я наклонился, чтобы стащить с себя тунуку, но не сумел сделать это так же ловко, как Берн. А Чезаре отвел от нас взгляд. Прикрыв глаза, он запел: «Аллилуйя». На второй строфе Никола и Флориана запели вместе с ним, тоже с полужакрытыми глазами, словно отказываясь видеть нас такими – голыми и непокорными. Берн разорвал круг, который мы образовали под лиственницей, и зашагал к дому. Я пошел следом, подгоняемый пением Николы и его родителей, в котором мне слышался упрек. На полпути я обернулся и посмотрел на них, сидевших под деревом. Так я простоял несколько секунд, разрываясь между ними и Берном, между двумя семьями, которые внезапно образовались из одной; и вдруг понял, что ни та, ни другая никогда не были по-настоящему моими.

Забастовка продлилась до конца лета. В первую неделю Чезаре еще надеялся, что это мимолетный каприз. Он сел за стол под навесом с кипой книг, сложенных по порядку, и

бросал на нас взгляды, от которых меня мутило. Позже эти попытки ему надоели и он перестал нас ждать.

Его стал донимать странный кашель. Однажды у него случился особенно долгий и сильный приступ, и я потихоньку от Берна принес ему стакан воды. Он кивнул, затем схватил мою руку и прижал к груди.

– Любовь несовершенна, Томмазо, – сказал он, – теперь ты это понимаешь, да? Каждое человеческое существо несовершенно. Если бы только ты сумел образумить его!

Я высвободил руку и ушел. После этого случая Чезаре больше не просил меня о помощи и вообще оставил нас в покое. Он не возражал, когда мы с Берном садились за стол, наливал нам в стаканы воду и подкрашивал ее каплей красного вина, как мы привыкли, но при этом вел себя так, словно мы были чужие. Мы больше не беседовали, не пели все вместе.

Как-то раз Никола не выдержал и залепил Берну пощечину. Вместо того чтобы дать сдачи, Берн молча подставил ему другую щеку. И при этом хмыльнулся. Чезаре удержал руку сына, заставил его попросить прощения. Флориана, не доев того, что было у нее на тарелке, встала и ушла на кухню; не помню, чтобы она делала так раньше.

– Сколько еще это будет продолжаться? – спросил я Берна, когда мы легли в постели.

– Сколько понадобится.

Мы с Берном не перестали молиться, но делали это потихоньку. Берн читал на память отрывки из Писания, преимущественно псалмы, а иногда обращался к Богу со страстными, надрывающими душу мольбами. Но прошли недели, и у него появились новые желания. Несколько раз, проснувшись ночью, я видел, что он стоит у открытого окна. Он слушал доносившийся издалека праздничный гомон и музыку, смотрел на огни фейерверка, беззвучно вспыхивавшие на горизонте. Ему хотелось туда, что бы там ни происходило.

– Не бойся, – говорил он, не оборачиваясь, – я о тебе позабочусь.

Томмазо отпил воды. Когда он глотнул, его лицо сморщилось от боли: наверное, он слишком долго говорил и в горле у него пересохло, но он не пожаловался на это.

– А потом начали умирать пальмы, – продолжал он. – Среди крестьян разнесся слух, что жук теперь взялся за оливы. Это было бы катастрофой. Приняли превентивные меры: пальмы стали уничтожать. На ферме росла только одна, возможно, ты ее не помнишь.

Но я ее помнила. Я помнила все.

– Она была не очень высокая. Каждый год на ней созревали клейкие, несъедобные финики. Чезаре ломал голову, что же с ней делать. Ходил вокруг нее, разглядывал со всех сторон. Он не считал, что у растений есть душа в полном смысле этого слова, но наиболее крупные из них вызывали у него инстинктивное уважение.

В июле накатила невыносимая жара. Сирокко поднимал в воздух тучи пересошей, измельчившейся земли и кружил ее, словно пыль. Возможно, Чезаре принял это за знак свыше, которого он ждал, или же испугался, что ветер занесет с юга вредителей. Так или иначе, но однажды утром мы услышали жужжание пилы и, выглянув из-под навеса, увидели, что он стоит на верхней ступеньке лестницы, приставленной к пальме. Он спиливал ветки одну за другой. А со стволом пришлось повозиться: он был слишком гладкий, пила соскальзывала. Раз или два мне показалось, что она вырвалась из рук Чезаре.

Берн сжал кулаки и уперся ими в стол:

– Ничего у него не выйдет.

Но Чезаре сделал на стволе зарубку и сумел аккуратно распилить его. Какое-то мгновение верхушка пальмы еще смотрела в небо. Потом накренилась в сторону, противоположную зарубке, и рухнула.

Чезаре обвязал ствол веревкой. Другой конец закрепил вокруг пояса. Надо было найти место, где ничего не росло, чтобы сжечь труп пальмы. Чезаре протащил его несколько метров, а потом вскрикнул и упал на одно колено: у него не хватало сил.

– Мы должны помочь ему, – сказал я. Сердце у меня бешено колотилось. Я боялся, что, пока мы сидим и наблюдаем за ним из-под навеса, он сломает позвоночник. Я встал и шагнул к нему, но Берн удержал меня за руку.

– Еще не время, – сказал он.

Чезаре поднялся на ноги, обвязал веревкой спину и попробовал толкать ствол. Ствол дернулся, но Чезаре опять свалился на землю: его одолел кашель.

– Берн, он покалечится!

Берн вдруг словно проснулся. Мы направились к Чезаре. Берн протянул ему руку, чтобы помочь подняться, затем осторожно тронул платком взмокший от пота лоб.

– Ты позволишь нам ходить в школу, – сказал он.

– Что ты надеешься там найти, Берн?

Голос у Чезаре был страдальческий – не только из-за непомерного напряжения и приступа кашля.

– Ты позволишь нам ходить в школу, – повторил Берн, коснувшись его спины, на которой веревка оставила багровый след.

– Я столько молился о тебе. Днем и ночью. Молил Господа, чтобы он вновь просветлил твое сердце. Помнишь у Экклезиаста: «Во многом знании много печали».

Берн отирал ему пот на шее и на груди – если бы он проявлял такую же нежность ко мне!

– Ты сделаешь это?

Чезаре покусывал обветренные губы.

– Если таково твое желание... – прошептал он.

Но Берн еще с ним не закончил.

– Ты позволишь нам выходить в город вместе с Николой, в том числе и по вечерам, всякий раз, когда нам захочется. И будешь отдавать нам часть денег, которые получаешь на наше содержание.

В глазах Чезаре что-то промелькнуло:

– Так значит, вот в чем дело? В деньгах?

– Ты это сделаешь? – настаивал Берн, успевший тем временем надеть веревку на себя.

– Да.

– Томми, принеси из сарая еще одну веревку.

Роясь в куче инструментов, я спрашивал себя: понимает ли Берн, – или я один понимаю, – что Чезаре, хоть он и не признается в этом ни Флориане, ни самому себе, ни, возможно, самому Богу, любит его больше всех, даже больше, чем собственного сына. Пусть у них с Берном была лишь малая частица общей крови, их души были похожи, как близнецы. Между Чезаре и Николой не было такой общности. Какая тяжкая вина – любить кого-то другого больше, чем собственного сына. И какой жестокий приговор для сына – узнать, что в сердце отца он лишь на втором месте.

С этого дня у нас началось перемирие, восстановилось некое подобие нормальной жизни, но все было уже не так, как раньше. Теперь во время молитв мы брались за руки без прежнего воодушевления. После истории с пощечиной Никола помрачнел, отдалился от нас. А Флориана стала вести себя с неприкрытой агрессивностью. Сегодня я не сомневаюсь, что она предлагала Чезаре выставить нас вон, но он отказался. Как-то раз, после обеда, мы собирали помидоры, и я увидел, как она высмотрела один перезрелый и сжала его в кулаке с такой злостью, что он превратился в кашу.

Взяв топоры, мы с Берном разобрали то, что еще оставалось от домика на дереве. Кажется, мы при этом не испытали никаких эмоций. Теперь все наши надежды были связаны с тем, что находилось по ту сторону ограды.

В первый раз, когда мы решились втроем выбраться с фермы на машине, мы повернули на юг, в Леуку, просто чтобы выяснить, как далеко от дома сможем отъехать. Погуляли возле

маяка, Берн утверждал, что видит за морем очертания Албании, а Никола говорил, что это невозможно. На обратном пути мы заблудились в лабиринте дорог вокруг Малье.

Вечером мы отправлялись на поиски праздника. В Специале никогда ничего не происходило, к тому же на нас там смотрели косо. Однажды, услышав где-то вдали музыку, мы доехали до городка Айени, где был праздник урожая. На улице стоял чад: там на открытых прилавках жарили мясо. Никола и Берн зажали носы, они тут же сбежали бы оттуда, если бы не радостная, возбужденная толпа и не выступление музыкальной группы. От запаха жареного мяса у меня разыгрался аппетит. Мне доводилось есть мясо, когда я приезжал на свидание с отцом; а в остальное время я о нем только мечтал; никто из ребят не знал об этом. Вообще-то я не мог сказать отцу, что живу в таком месте, где есть мясо запрещено: он бы этого не понял.

Однако Берн что-то уловил в моем взгляде.

– Я это съем! – произнес он с внезапной жадностью, которая с недавних пор овладевала им все чаще.

– Не надо! – попытался остановить его Никола.

Но Берн уже подошел к прилавку, где продавщица, совершенно не стесняясь, переворачивала на сковородке котлету.

Мы съели по булочке с котлетой; меня сразу замутило от непривычной еды, а Берн взял вторую булочку, потом третью. Он пожирал их одну за другой, вкус мяса одурял его, словно наркотик. Когда он проглотил последний кусок, губы у него лоснились от жира.

– Хочу, чтобы этот запах остался у меня в носу до завтра! – крикнул он, сияя от восторга.

Никола насупился, настроение у него испортилось.

– Какие вы кровожадные, – сказал он, когда мы шли к машине.

Несколько недель спустя мы открыли для себя Скало, примерно таким же образом, – прислушиваясь и принюхиваясь, чтобы уловить, откуда доносится музыка и пахнет едой. Словно сорвавшиеся с цепи, одичавшие собаки в поисках пищи, забав, приключений и новых несчастий.

Берн больше не просил разрешения пользоваться компьютером, ни разу не смотрел, как он работает, и, похоже, забыл о его существовании. Снятие ограничений, которого он добился, позволяло ему раз в неделю ходить пешком в городскую библиотеку Остунни и набирать там максимальное количество книг, предусмотренное правилами. Никто из нас не понимал, зачем ему столько; Чезаре был возмущен его ненасытностью, хоть и не решался бороться с этим. Для Чезаре чтение книг (за немногими исключениями) было бесполезной тратой времени и проявлением тщеславия: читать значило одевать сердце броней, делая его менее доступным для Бога.

У Берна появилась еще одна странность: в своей манере говорить он подражал стилю автора, которого в данный момент читал, словно не мог сопротивляться воздействию прочитанного, впитывал его в себя, как губка, а потом выделял из всех пор. После обеда он усаживался за домом, прислонялся к стене и погружался к чтение, сосредоточенный и неприступный.

А я в эти часы пробирался в комнату Николы. Компьютер был куплен не для того, чтобы на нем играть, но кое-какие игры были установлены с самого начала, другие нам дали ребята, с которыми мы познакомились в Скало. Мы играли по одному, без джойстика, пользуясь стрелками и стараясь не слишком сильно нажимать на них, чтобы не разбудить Чезаре и Флориану, спавших в соседней комнате.

Как-то раз мы с Николой играли, я только что уступил ему клавиатуру. Был один уровень «Принца Персии», который мы никак не могли преодолеть: кучка костей внезапно оживала, составлялась в скелет, преграждала геймеру путь и убивала его. Никола вполголоса ругался. Я сидел рядом и ждал, когда Никола будет убит, чтобы занять его место, и вдруг услышал какое-то движение за окном.

Тогда я вас и увидел.

Вы шли через пустырь, который отделяет дом от олеандровых кустов. Смуглая спина Берна с выступающими лопатками и ты, почти такая же загорелая, в оранжевом купальнике. Никола вас не заметил, он был поглощен игрой. Я уже хотел сказать ему: смотри, – но что-то удержало меня. Я смотрел, как вы скрылись за кустами. В той стороне не было ничего, кроме оливковых деревьев и укромных местечек, где можно было спрятаться.

– Давай, – сказал Никола.

– Что?

– Твоя очередь. Пристукни этот скелетище.

– Играй ты. Мне расхотелось.

Я вернулся к себе в комнату. Лег на кровать, но стоило мне закрыть глаза – и я видел Берна вместе с тобой. Я вскочил на ноги, сбежал вниз по лестнице и вышел из дома.

Прежде чем пройти через олеандры, я оглянулся на окно комнаты Николы. Стекло отражало свет, видно было плохо, но все же я заметил, что, с тех пор как я ушел, Никола не двинулся с места. Ящерица перебежала мне дорогу и полезла вверх по стволу дерева. Я прошел под тутовником, поскольку был убежден, что вы там, и, удостоверившись, что это не так, почему-то почувствовал облегчение. Значит, вы в малиннике, подумал я.

Я шел, перемещаясь из тени одного дерева в тень следующего, так, чтобы солнце светило мне в спину. Я был уверен, что потерял вас, как вдруг увидел чей-то силуэт на фоне зарослей. Я подошел поближе: это был Чезаре. Он внимательно смотрел на что-то, находившееся в зарослях бамбука, и мне показалось, что его коренастую фигуру сотрясала дрожь. На нем были только трусы и резиновые тапки, похоже, он так и вышел из дому. Я хотел окликнуть его, но он вдруг повернулся и побежал в мою сторону, раздвигая перед собой тростник.

Чезаре бежал ко мне, и странно было это видеть, потому что он никогда не бегал. Увидев меня, он опешил. Какое-то время – думаю, долю секунды, не больше – мы стояли лицом к лицу. Под отвесно падавшими лучами солнца его возбуждение нельзя было не заметить. Он прикрылся рукой и бросился вправо, то есть вправо от меня. Я не сразу понял, что скрывалось за изумрудной стеной тростника. Но чуть погодя увидел, как вы выходите из этого маленького леса, идете не рядом, а на некотором расстоянии друг от друга, так же осторожно, как раньше, когда я видел вас из окна, но лица были другими: в них читались смущение, усталость и возросшее доверие друг к другу, как будто вы только что вдвоем совершили заплыв в открытое море. Прежде чем вы успели меня заметить, я спрятался за ствол оливы.

В последующие часы мы с Чезаре старались избегать друг друга, а когда все же встречались, отводили взгляд. Кругом царило предательство: ты и Берн, Чезаре, спрятавшийся в тростнике, Никола, увлеченный своей новой жизнью в Бари. И, что хуже всего, для меня в этой истории места не было.

За ужином Чезаре прочел молитву длиннее обычной. Он держал Флориану за руку и то и дело щурился, причем так сильно, что, когда открывал глаза, на висках проступали белые жилки. После молитвы он достал из кармана сложенный лист бумаги.

– Хотел прочитать вам этот отрывок. Давно не вспоминал о нем, а сегодня вспомнил.

Действительно ли он, перед тем как начать, бросил быстрый взгляд на меня или мне это почудилось?

– «Даже и сам Отец не бесстрастен. Когда мы молимся ему, он испытывает жалость и сочувствие, не вовсе чужд они страсти любовной, бывают у него порывы нежности, которые его царственное величие, казалось бы, должно воспрещать ему».

Затем он несколько секунд простоял перед нами, молча и словно бы в нерешительности.

– Порывы нежности, которые у нас бывают... – добавил он. – У всех нас. Без исключения. Порой мы не в силах сопротивляться им. Например, летом... Жара способна исказить наши чувства, порой кажется, будто она вот-вот расплавит тебя. Нам хочется подражать Иисусу, но...

Опять он запнулся. Казалось, сейчас он был растерян еще больше.

– Уже поздно. Давайте есть.

И сел за стол, забыв перекреститься. Это случилось с ним в первый и единственный раз.

Я знал, что Чезаре выбрал эту цитату специально для меня. Иначе он, как обычно, произнес бы ее на латыни; но тут он, видно, боялся, что я поленюсь искать перевод. Ему хотелось, чтобы я воспринял сказанное ясно и недвусмысленно. Была ли это попытка оправдаться? Или просьба о прощении? Он даже не представлял себе, что я целиком на его стороне. Другие, возможно, любили его потому, что считали непогрешимым, а я вот нет. Я любил его за то, что он взял меня к себе.

Позднее, в Скало, я отошел за фургон и выпил натошак. Меня вырвало желудочным соком и немного кровью. Не помню, как мы вернулись домой, помню только, что, когда я оказался в комнате, Берн подошел к кровати, положил мне руку на лоб и спросил, не хочу ли я лимонного сока, а я сказал, чтобы он оставил меня в покое.

На следующее утро Чезаре, сидевший на скамье под лиственницей, поманил меня к себе. Он сидел с выражением лица, какое мы видели у него в лучшие дни. На нем была туника. Он хлопнул ладонью по свободному месту на скамье рядом с ним.

– Я встал сегодня очень рано, – начал он, – еще не рассвело, думаю, это было вскоре после того, как вы вернулись. Я зашел в комнату Николы, потом к тебе с Берном – давно я не делал этого. Посмотрел на вас, спящих. Это такое чудо – спящая невинность. А вы – по-прежнему воплощение невинности, хоть сами уже такими себя не считаете. Да, вы по-прежнему невинны, хоть у вас на щеках уже пробивается борода.

(Что касается меня, то настоящей бороды у меня тогда еще не было. Только пушок, который видно, если стоишь против света, – как у девочек.)

– Я вспомнил, как мы с Флорианой приехали за тобой. Я сказал ей тогда: этого мальчика ждет необыкновенное будущее.

Он погладил нижнюю часть туники и сжал ее край между коленями. Во время бесед под лиственницей нам, мальчикам, полагалось говорить, только если к нам обращались взрослые; поэтому я молчал.

– Это было словно вчера. Сколько лет прошло?

– Восемь.

– Господи, восемь лет! А через несколько дней ты станешь совершеннолетним, то есть по всем параметрам, принятым в нашем обществе, станешь мужчиной. Но мы, кажется, уже говорили об этом.

– Да.

– Ну вот, Томмазо, значит, ты знаешь, что пора выбрать свой путь, найти свою дорогу в жизни.

(Я почувствовал, что все тело у меня обмякло от страха. Раньше я надеялся, что смогу остаться у них, пока не окончу школу, не получу аттестат.)

Чезаре обнял меня за плечи.

– Конечно, это был бы лишь один из вариантов. В случае, если бы я остался вашим – и, в частности, твоим – опекуном. Но ведь вас привлекает государственное образование, верно? Не беспокойся, ваше желание мне понятно. Понятно оно и Господу, возможно, именно он заронил его в ваши души, ибо у него насчет вас есть свои планы. А кто мы такие, чтобы противиться ему? Вообще-то в твои годы я готовился к первому далекому путешествию – на Кавказ. В кармане у меня не было ни гроша, поэтому я поехал автостопом.

Чезаре изогнул спину. Долго сидеть на этой скамейке было очень неудобно, думаю, отчасти поэтому он усадил меня сюда. Впрочем, он всегда говорил: дискомфорт заставляет мышцы работать.

– Теперь, когда ты, как совершеннолетний, пойдешь в настоящую школу, тебе нет больше смысла здесь оставаться. Я поговорил с одним моим другом, точнее сказать знакомым, у него свое дело в Массифре. Место, на мой вкус, чересчур шикарное, но очаровательное.

– До Массифры час езды на автобусе.

– Боишься, что в такой дали нет школы? Ошибаешься! – с улыбкой сказал Чезаре. И вдруг стал серьезным. Мне показалось, я снова вижу то выражение, которое вчера промелькнуло на его лице за долю секунды до того, как он резко повернул и пустился бегом.

– Ну, вот мы и договорились. Можешь перебраться туда на будущей неделе. Тебя там ждет радушный прием, к тому же мой знакомый клятвенно обещал, что работа не будет тяжелой. Днем ты будешь зарабатывать кое-какие деньги, а вечером посещать занятия в городе.

– А Флориана в курсе? – спросил я. Она могла бы уговорить его отсрочить мой отъезд хоть на сколько-нибудь.

– Конечно! Массифра – ее идея. Мне это почему-то и в голову не пришло.

– А остальные? – тихо спросил я.

– Мы им скажем позже. Если хочешь, скажем вместе. А теперь дай мне руку.

Я бессильно раскрыл ладонь, он взял мою руку и сжал в своей. У меня на языке вертелось: «Я ему ничего не скажу, обещаю тебе», но эта фраза была не из тех, что у нас дозволялось произносить под строгой сенью лиственницы.

– Помолимся за этот новый поворот в твоей судьбе, – сказал Чезаре, – да пребудет с тобою Господь в каждый миг жизни.

Но я не мог сосредоточиться на молитве. Я смотрел на дом. На Николу, который сидел на качелях и нехотя вчитывался в учебник; на Берна, который дразнил его, тыкая кулаком в зад; на гроздь помидоров и связки лука, развешанные по стенам. На оставленную на земле лопату. Я не мог поверить, что настанет день – и моя жизнь вдруг кончится.

– В «Замок сарацинов» меня отвезла Флориана, – произнес Томмазо после паузы, более длинной, чем обычно.

За эту долгую ночь – когда он говорил, а я слушала, когда он занимал половину двуспальной кровати, а я сидела на стуле, который становился все более неудобным, – за все это время мы с ним встретились взглядом только три или четыре раза. Мы предпочитали смотреть на откиннутое покрывало, или на одежду, выглядывавшую из открытого шкафа, или на влажный нос овчарки Медеи.

– Значит, вот как началась твоя работа в «Замке».

Но Томмазо словно не слышал. Его голос зазвучал жестче.

– На новом месте мне не понравилось ничего. Раньше я слышал, будто пляжи на побережье Ионического моря красивее наших, но они оказались больше – и только. Море там всегда одного цвета – синего, это быстро надоедает. А наша Адриатика переливается разными цветами, бывают и зеленые полосы, и даже фиолетовые.

Он глубоко вздохнул:

– В первый день Наччи захотел узнать, что было не так с моей семьей, почему меня отдали под опеку Чезаре. Я в немногих словах рассказал ему все, а когда закончил, он сказал: «Господи! И как это мужчина может сотворить подобное со своей женой?» Тут я понял, как далеко осталась наша ферма. Там никто не упомянул бы имя Божие всеу.

Не то чтобы Наччи плохо обращался со мной, но он был непохож на Чезаре, это я понял сразу. Невозможно было представить, чтобы он принес мне травяной чай, если я замерз ночью, или уселся бы под тенистым деревом беседовать со мной. Он никогда не вел себя по-отечески. Я хоть и записался в вечернюю школу, но не пришел даже на первый урок, а он не стал меня уговаривать, похоже, ему было все равно. Как я обращался к нему в самом начале – «синьор Наччи», – так и продолжал все двенадцать лет.

До той ночи, когда случилось несчастье, подумала я. Та же мысль наверняка возникла и у Томмазо: вот почему он умолк.

– Жил я в общежитии. Когда нанимали людей на сезонные работы – летом и во время сбора винограда, – приходилось спать по семь-восемь человек в комнате, на двухъярусных кроватях. Сеток от комаров на окнах не было, поэтому ночью мы то и дело просыпались от хлопков. Хлопнув себя по руке или по шее, я всякий раз вспоминал ферму, где запрещалось убивать даже самых крошечных существ. И когда над ухом снова раздавался тоненький писк, я испытывал чуть ли не облегчение.

Когда Наччи понял, что я не гожусь ни для одной работы из тех, какие у него надо было выполнять: никогда не чистил бассейн, не умел подавать на стол и разве что разбирался в растениях – он представил меня Коринне. Он порекомендовал мне оставаться при ней «столько времени, сколько будет необходимо». Но я не уверен, что он подразумевал такой долгий срок.

Томмазо улыбнулся. Затем подтянул к себе край одеяла, чтобы потеплее укрыться. А может, подумала я, чтобы защититься от собственной остроты.

– Первое, что мне сказала Коринна, было: «Ты похож на безумного андроида из «Бегущего по лезвию». Поэтому я буду звать тебя Блэйд». Она сказала это не в шутку, а с ледяной серьезностью. К этому и свелась наша первая встреча: никакого намека на перспективы. Когда она отошла на несколько шагов, Наччи прошептал мне на ухо: «Не слушай, что она говорит. И не слишком доверяй ей. Это всего лишь наркоманка».

Моя практика под руководством Коринны длилась месяц. Я научился прямо держать спину, проходя между столиками, слегка нагибаться, подходя с подносом во время фуршета. Мы разыгрывали сценки, в которых она всегда изображала клиентку, причем клиентку привередливую, искавшую предлог, чтобы меня унижить. Выйдя из роли, она говорила: «Придется привыкнуть к этому, Блэйд. Того, что ты приносишь им бокалы, для них уже достаточно, чтобы считать себя высшими существами».

Она показала мне, как откупоривать бутылки с вином и нюхать пробку, как наливать воду; а затем, увидев, что у меня все получается лучше, чем у нее самой, она разозлилась и заявила, что уроки окончены.

По-моему, был октябрь, когда я впервые надел форму официанта. Раньше мне приходилось повязывать галстук только на заседания суда. В «Замке» праздновали свадьбу какой-то актрисы, я ее не знал, потому что уже несколько лет не смотрел телевизор. Она показалась мне какой-то растерянной среди всей этой суеты. Заметив, что она ничего не ест – ее все время отвлекали, – я тайком принес ей тарелочку с нарезанными фруктами. «Съешьте хотя бы это, иначе вам станет плохо». Она вознаградила меня улыбкой, сверкнув безупречными зубами, и погладила по щеке.

– Зачем ты это сделал? – услышал я за спиной голос Коринны, когда вернулся на кухню.

– Сделал что?

– Съешьте хотя бы это, иначе вам станет плохо, – произнесла она жалостливым тоном, передразнивая меня.

– Это было неправильно?

Коринна вылупила на меня глаза:

– Какой же ты зануда, Блэйд! Все принимаешь всерьез! – И ткнула меня кулаком в солнечное сплетение, причем достаточно сильно, как ударил бы парень шутки ради; но я тут же догадался, что ей просто захотелось дотронуться до меня и она не нашла другого способа. Затем она удалилась.

Праздник продолжался допоздна. Когда мы пришли в раздевалку, была глубокая ночь. Коринна уже успела переодеться, но она села на банкетку и смотрела, как я снимаю куртку, рубашку и, наконец, брюки.

– Хочешь увидеть кое-что интересное?

Я взглянул на часы, висевшие на стене.

– Слишком устал? Нет проблем. – И она встала, собираясь уходить. Голос звучал все так же напористо. Уже тогда я не мог сопротивляться этому голосу.

– Ну хорошо, – произнес я.

Мы прошли через полутемные комнаты до двери, которая вела в подвал.

– В погребе я уже был. Там заперто.

Коринна вытащила из кармана джинсов ключ.

– Та-дам!

– Откуда он у тебя?

– От того, кто раньше здесь работал. Этот ключ передается от отца к сыну. Посмотрим, будешь ли ты со временем достоин получить его.

Ключ повернулся в замке, и дверь беззвучно открылась.

– Скажешь Наччи – убью. Честное слово.

В погребе было почти совсем темно, свет проникал только с лестницы. Мы протиснулись между рядами стальных резервуаров и канистр в глубину тесного помещения.

– Садись сюда, – приказала Коринна.

– На пол?

– А ты такой брезгливый?

Она что-то искала на ощупь позади одной из канистр. Наконец нашла стакан и наполнила его, открыв кран в нижней части канистры. Выпила залпом и снова наполнила стакан.

– Скажи, когда ты без конца подаешь вино клиентам, у тебя не возникает желания выпить? – спросила она.

– Что это? – сказал я, беря стакан, точнее, отрезанное донышко пластиковой бутылки.

– Виноградное сусло.

Я отпил глоток.

– Пей до дна, у нас тут его хоть залейся, – подначивала меня Коринна.

Я выпил еще, чувствуя, как она наблюдает за мной в темноте. Когда я вернул ей самодельный стакан, она сказала:

– Я думала, вам, свидетелям Иеговы, пить запрещается.

– Откуда ты взяла, что я свидетель Иеговы?

– Так говорят.

– Нет, я не свидетель Иеговы.

– Да будь кем хочешь, мне без разницы. – И она повернулась ко мне, чтобы оценить мою реакцию.

– О тебе тоже всякое говорят, – парировал я.

Это была правда. Не только Наччи, но и другие парни в «Замке» отпускали шуточки на счет Коринны.

Она придвинулась ко мне совсем близко, вытянула шею, словно хотела укусить за нос, а я не посмел ни отодвинуться, ни отвернуться.

– Боишься меня, Блэйд? – спросила она шепотом.

Я не шевельнулся, и она, хихикнув, подалась назад.

– Пусть болтают, что хотят. Это они просто от любопытства. А еще от зависти. Если хочешь о чем-то спросить – спрашивай. Что тебе рассказать? Кололась ли я? Обменивалась ли шприцами с другими?

– Это меня не интересует.

– А остальных – да. Обменивалась ли я шприцами с другими, и еще – откуда брала деньги. Странные у людей бывают фантазии. У тебя тоже бывают странные фантазии, Блэйд?

– Нет.

Я не смотрел на нее, поэтому для меня было неожиданностью, когда она тронула мою щеку. Ласково, осторожно.

– Были бы все такими, как ты, Блэйд.

Она встала, чтобы нацедить еще порцию. Мы пили из стакана по очереди и молчали.

– Ты была в Джакарте? – спросил я наконец, разглядев надпись на ее майке.

– Нет. Это подарок папы. Однажды я ему сказала, что мне нравятся майки с надписью «*Hard Rock Café*», и с тех пор он привозит их мне из каждого города. У меня коллекция маек со всех пяти континентов.

– Он так часто путешествует?

– Он дипломат, – сказала она с ноткой раздражения в голосе. – До тринадцати лет я побывала в... – она начала считать по пальцам: – В России, Кении и Дании. И еще в Индии. Но я всюду провела только по несколько месяцев.

У меня перед глазами одна за другой возникли эти страны, раскрашенные в те же цвета, что и на скатерти у нас на ферме. Затем – вся скатерть целиком.

Коринна стала гладить желтый кружок на своей майке.

– Прошло три года, а он все еще мне их привозит. Я в них на гимнастику хожу.

Допив то, что было в стакане, она опять встала. Но собравшись открыть кран, вдруг передумала.

– Я тебя научу, как расслабляться быстрее. Залезай сюда!

На огромном резервуаре сбоку была лесенка; я стал взбираться по ней. Когда я был наверху, Коринна объяснила мне, как открыть крышку-люк.

– Только сначала откинь голову назад, чтобы в глаза не попало, а то ослепнешь. Вдыхай медленно.

Я вдохнул. Ощущение было такое, словно меня ударили в лицо. Я чуть не свалился с лесенки. Это было так же удивительно, как наш с Берном и Николой первый визит в кладовку, где Флориана хранила запасы домашней наливки; но по сравнению с этим ощущением действие наливки было ничтожным. Я нагнулся, вдохнул еще. Не знаю, как после этого спустился по лесенке. Помню только, как на меня напал смех, такой громкий, что Коринна зажала мне рот рукой. Это не помогло; тогда она обхватила мне голову руками и прижала к груди. И мы вместе рухнули на пол.

– Перестань! Ты всех разбудишь!

Я жадно вдыхал воздух сквозь ткань ее майки, сквозь шероховатые буквы в надписи «*Hard Rock Café*». Я был возбужден и не хотел, чтобы она это заметила, поэтому высвободился.

– Ты совсем себя не контролируешь, Блэйд, – сказала Коринна, отпуская меня. – Наверное, планета, с которой ты прилетел, была просто кошмарная.

Наступила зима. В том году она выдалась исключительно дождливой. С виноградных лоз под тяжестью воды опадали листья. Иногда я совершал одинокие прогулки на виноградник и, отойдя достаточно далеко, чтобы меня не услышали, начинал петь. Шагая в резиновых сапогах, вязнувших в мокрой земле, я пел *Agnus Dei* и *Ave Regina* среди согнувшихся под дождем побегов винограда и думал о Берне. Время от времени он писал мне, а я заставлял себя отвечать. Я рассказал ему о свадьбе актрисы, о моих новых обязанностях и о том, как быстро я их освоил, а больше, по сути, ни о чем, потому что написанное мной звучало как детский лепет по сравнению с его строками. Но Берн не переставал писать мне, словно догадался о моих затруднениях. Сейчас об этом смешно вспоминать: девяносто восьмой год, уже появились мобильники, а мы с ним, находясь меньше чем в ста километрах друг от друга, вынуждены обмениваться письмами.

Он задавал одни и те же вопросы. И только спустя время я понял, что они были обращены скорее к нему самому, чем ко мне. «Ты все еще веруешь, Томмазо? – писал он. – Тебе не приходится принуждать себя верить? Ты молишься по вечерам? Если да, то насколько долго?»

А потом Бог внезапно исчез из его писем. Исчез бесследно. Сперва я хотел спросить, что случилось, но в итоге мне, как обычно, не хватило мужества. Я беспокоился за него. Я знал: нет одиночества более глубокого, чем у того, кто верил и вдруг утратил веру. А я еще не встречал человека, который верил бы так горячо, как Берн. Даже у Цезаре, казалось, порой возникали сомнения.

Это школа была виновата. И люди, с которыми он общался за пределами фермы. В сентябре в Бриндизи Берн пошел сдавать экзамены в пятый класс специализированного лицея с естественнонаучным уклоном. Как он рассказал мне в письме, члены комиссии разинули рты от изумления, когда он прочел наизусть отрывок из «Метаморфоз». Цезаре занимался с нами углубленным изучением Овидия, поскольку считал, что этот поэт предвосхитил веру в переселение душ. Под лиственницей мы рассуждали об Овидии до изнеможения, но из нас один только Берн смог выучить наизусть целые страницы, стих за стихом. У него был собственный способ приобретать знания и навыки, он словно вбирал их целиком своим жилистым телом, которому, казалось, вечно не доставало пищи.

После экзамена по латинскому языку настал черед математики. Берн отказался написать на доске термины, которые ему продиктовали. Синусы и косинусы? Никто ему раньше об этом не говорил. «Это лицей с естественнонаучным уклоном, синьор Дельфанти, – сказала преподавательница математики. – Разве вам не объяснили?»

И Берна, который хотел поступить в пятый класс, взяли в третий. Его одноклассники были всего на два года младше, но он возвышался над ними, как пожарная каланча. Это были ребята с окраины Бриндизи, и правила выживания у них были иные, чем у него. Я-то их знал хорошо, сам рос в тех же кварталах. «Не водись с ними, прошу тебя», – предупреждал я Берна. Но что он понимал? Он ведь с тринадцати лет жил на ферме. Он был безоружен и в то же время полон любопытства ко всему, что окружало его в этой новой жизни. Для новых товарищей он был как манна небесная.

Я так и не узнал, какими способами они измывались над ним. Сколько их было – двое, пятеро или вся шайка – этого я тоже не могу сказать с точностью, но у меня почему-то отложилось в голове, что их было трое. Только втроем можно быть уверенными в превосходстве и получить максимум удовольствия, преследуя одного. Берн называл их «эти ребята» и давал понять, что один из них, самый безжалостный, был главарем. Только для него он выбрал имя – Каин, жестокий брат: это была ирония, попытка снизить пафос.

Он был уверен, что терпение поможет ему победить, что они в конце концов устанут от него. Но он совсем не знал их. Я представлял его так ясно, словно он был у меня перед глазами: вот они окружили его, а он пытается вразумить их словом, беззащитный, как отрок Иисус среди учителей в храме. «Они полны ярости, у меня за них душа болит». Позже он перестал употреблять некоторые выражения, но когда он приехал учиться в Бриндизи, он еще говорил «У меня за них душа болит». За таких, как они. Надо же.

«Не водись с ними», – заклинал я его, но сильно сомневаюсь, что он меня послушался. Они подвергли его самой настоящей пытке. Это было как-то связано с собакой сторожа. И произошло в тесной клетке, где под ногами валялись остатки еды и экскременты, и длилось много часов. Берн, с которым я попрощался, уезжая с фермы, – тот, прежний Берн, – не боялся собак. Но к моменту нашей новой встречи у него успела развиться самая настоящая фобия. Он терял голову от страха, если где-то вдалеке слышался лай. Это ты, конечно, уже знаешь. Но, может быть, ты не знала, что какая-то его часть тогда умерла – по вине тех ребят.

Впрочем, он и после этого ничего толком не рассказал – просто сообщил, что после уроков с ним случилось неприятное происшествие возле дома сторожа, который охраняла овчарка, очень злая, потому что ее никогда не спускали с цепи. «Это подстроили Каин с друзьями», – написал он, а затем, с явным усилием сменив тему, стал рассказывать о Яннисе, новом мальчике, которого Цезаре взял на ферму, молчаливом и запуганном. Они вдвоем собирали оливки

в саду твоей бабушки. «В этом году они уродились сочные как никогда», – писал он. Ему было так плохо, что фразы его не слушались: раньше в его письмах я такого не видел. А в конце он все-таки дал волю эмоциям: «Очень скучаю по тебе. Все еще молюсь, но часто не знаю, о чем».

«Поговори с Чезаре, – посоветовал я, – открой ему душу, он все поймет и сумеет помочь».

Ответ пришел быстро; он был без даты, и в нем была только одна строка: «Чезаре прогнал тебя. С тех пор у меня с ним нет ничего общего».

В январе он бросил школу. Чтобы не вызвать подозрений у Чезаре и Флорианы, он по-прежнему каждое утро уходил с фермы, но, вместо того чтобы сесть на автобус, шел пешком в Остунни, напрямик, через поля. И целый день сидел в читальном зале городской библиотеки. Он поставил себе цель: прочитать все книги, какие там были, в алфавитном порядке. Так он собирался приобрести культурный багаж, в котором ему отказывала школа. Да, это был один из его дерзновенных планов: помнится, когда-то он мечтал провести всю жизнь на дереве, как барон, в другой раз убедил себя, что ему необходимо попробовать на вкус семена, корни и листья каждого растения на ферме, потом подбил меня устроить забастовку из-за компьютера.

К счастью, мне приходилось бывать в читальном зале городской библиотеки Остунни, и я мог представить его себе во всех подробностях, мог представить Берна, сидящего у громадного, во всю стену, окна. В такое время дня он там был один, не смотрел в окно, забывал о еде: его глаза были прикованы к страницам книг, все новых и новых книг, которые он изучал в алфавитном порядке. Он следовал своему плану три месяца; в это время он писал редко, и в письмах речь шла только о книгах. У него еще не прошла боль от унижения, которое он вытерпел в школе. Я знал Берна, он был мой брат, и я представлял себе, как может разрастись ярость в его сердце. Ведь он, помимо прочих незаурядных свойств, обладал редкой способностью сосредотачиваться на чем-то одном. В конце концов он подружился с сотрудником библиотеки, который сумел отговорить его от неосуществимого плана, предложив взамен другой.

«Он открыл для меня авторов, о которых я раньше не имел представления! Сколь многого мы не знали, Томмазо! И сейчас я подвергаю сомнению все, решительно все! Начиная от основ. Это как заново родиться. Выходит, долгие годы нас с тобой дурачили, Томмазо!»

Библиотекарь был анархист: так объяснил Берн, хотя мне это ни о чем, или почти ни о чем, не говорило. «Мы с ним читаем Макса Штирнера. С каждой страницей глаза у меня открываются все шире. Мы жили во мраке, брат мой».

Он снова и снова перебирал все мысли, какие рождала у него эта книга. Он называл ее – «Единственный», и только годы спустя я узнал, что это не было ее полным названием; но Берн уже не отдавал себе отчета в том, что я знаю, а чего знать не могу; впрочем, для него это не имело большого значения. Он писал огромными буквами на середине листа: «НАША ЦЕЛЬ – ШТУРМ НЕБА!» Или: «Мы должны пожрать небо!» И начал подписываться «Великий Эгоист».

Теперь он уже не вел со мной разговор в своих письмах, и, заметив это, я почувствовал себя еще более одиноким, чем раньше. А он сидел у окна в читальном зале и учил наизусть «Единственного». В последнем письме, которое я получил (и после которого наступило долгое молчание), были слова, ставшие итогом этого чтения: «Не моя вина, что я больше не смог молиться, Томмазо. Теперь я это понял. Дело не во мне. Бог – просто пошлая выдумка. Прав только живущий».

– Книга все еще здесь, – сказал Томмазо. – Это его собственный экземпляр. – Он указал куда-то слева от меня. – Там, на шкафу. Можешь взять ее?

Я встала. Медя сразу настороженно подняла морду. Но, увидев, что я иду к шкафу, успокоилась и улеглась опять. Книги все были свалены набок.

– Она точно там, у нее корешок...

– Уже нашла.

Я сжала томик в руках. Полное название звучало так: «Единственный и его достояние». Я ощутила тепло, исходящее от любой вещи, которая, как мне было известно, принадлежала Берну. Томмазо взял у меня книгу и стал перелистывать.

– Посмотри, сколько он тут подчеркнул. Чуть ли не каждую строчку. Не могу понять, зачем это было нужно.

Он прикасался к книге так бережно, словно это была реликвия. Потом закрыл ее и положил на угол комода.

– Голова раскалывается, – пожаловался он.

– Верю. Дать тебе таблетку?

– Кажется, их там больше не осталось. А ты как себя чувствуешь?

– Нормально.

– Тем хуже для меня, – сказал Томмазо, потирая лоб. Когда он отвел руку, на лбу остались красные отметины.

– Спускаться в погреб с Коринной вошло у меня в привычку, – продолжил он свой рассказ. – Мы ходили туда после окончания смены. Долго беседовали, передавая друг другу самодельный стакан, а потом залезали на резервуар. С этого момента все становилось зыбким и неясным. Я хотел залезть еще раз, Коринна не пускала, тащила меня вниз за пятки. «Хватит, Блэйд! Ты хочешь убить себя?» – возбужденно визжала она, но я не слушал ее, горло у меня горело, а я все нюхал, пока не становился совсем легким, невесомым, как алкогольные пары, которые вдыхал.

Под конец Коринна всегда произносила одну и ту же фразу: «Ты совсем себя не контролируешь». Это было как сигнал: пора расстаться, иначе придется сделать следующий шаг, совершить нечто такое, на что я, быть может, не имел права. Я первым поднимался по лестнице к выходу из погреба, и в следующие несколько дней мы старались держаться подальше друг от друга.

Как-то вечером синьор Наччи послал за мной.

– Говорят, ты играешь в карты, – сказал он. При этом он сидел, положив руки на стол, а я стоял, держа руки за спиной.

– Я не играю в карты.

– Не лги мне, Томмазо. Я же понимаю: каждому человеку надо как-то расслабляться.

Он достал из ящика две колоды карт.

– Во что ты умеешь играть?

– В скат, бридж и канасту. И еще в скопу, но не очень хорошо.

– Говорят, кое-кто играл с тобой в покер.

– Да, и в покер.

– Я же сказал, Томмазо: не надо мне лгать. А в блэкджек играть приходилось?

Я медлил с ответом.

– Да или нет?

– Это то же самое, что двадцать одно?

Играть в двадцать одно меня научил отец. Как и в другие карточные игры, кроме ската, любимой игры Берна, которой мы так увлекались в домике на дереве.

– Ну, двадцать одно, если тебе так больше нравится.

– Да, в нее я играю.

Он пододвинул обе колоды ко мне. Карты были новенькие, упругие, блестящие.

– Смешай.

Я, как обычно, рассыпал одну колоду поверх другой. Наччи внимательно следил за моими руками.

– Нет, не так. По-американски.

Я разделил колоду пополам, положил карты на стол так, чтобы он их видел.

– Умеешь оставлять одну сверху?

– Это значит передергивать.

– Умеешь или нет?

Я показал, что умею, но при этом одна карта, четверка треф, выскользнула у меня из рук и упала на пол.

– Извините, – пробормотал я.

– Ты неловкий и медлительный, – сказал он. – Но можешь стать лучше. В пятницу вечером ко мне придут друзья. Мы любим поиграть. Я заплачу тебе, как за день работы. А еще можешь взять себе десять процентов от выигрыша банка. Договорились?

И мы договорились. Если компания желала играть в покер и не доставало четвертого, Наччи одалживал мне деньги, чтобы я мог сесть за стол. Впрочем, как правило, он и его друзья предпочитали блэкджек. Они очень мало разговаривали, но курили не переставая и пили виски из стаканов для воды. Они пугались, если я останавливал их, когда они тянули руки к картам. На рассвете они все чаще ходили в туалет и мочились, даже не потрудившись закрыть за собой дверь. Мне в эти ночи совсем не хотелось спать, то ли потому, что я не пил, то ли потому, что карты всегда возбуждали меня до предела.

Когда усталые, отупевшие гости расходились, я наводил в гостиной порядок: складывал и убирал в ящик зеленое сукно, ссыпал фишки в коробку. Опорожнял пепельницы, мыл стаканы. А перед тем как вернуться в общежитие, прогуливался по винограднику. В это время суток не спали только дикие звери.

Из денег, полученных за эти вечера, и того, что удалось отложить от заработной платы, скопилась некоторая сумма. И вот однажды, сунув в карман смятые купюры, я отправился в торговый район Массифры и долго слонялся среди квадратных многоэтажек вроде тех, где я жил когда-то. Наконец, я набрел на автомагазин, перед которым были выставлены на тротуаре мопеды – подержанные, не в лучшем состоянии, но мне было все равно. Я показал хозяину деньги и спросил, что я могу на них купить.

– А права у тебя есть? – недоверчиво спросил он.

Я снова предложил деньги. Откажись он – я нашел бы другого.

– И правда, это не мое дело, – сказал хозяин. Он схватил деньги и быстро пересчитал. Это были мелкие купюры, в основном по десять и пять тысяч лир, и только несколько по двадцать тысяч, как будто я украл их в табачной лавке. По-моему, хозяин автомагазина так и подумал.

– Могу дать вот этот, – он указал на один из мопедов. – Это «Атала-Мастер». У него все в порядке.

Он выкатил мопед и предложил мне сесть на него, но я не знал, как он заводится. Не задавая лишних вопросов, хозяин показал, как включить мотор, быстро дал еще некоторые указания. «На велосипеде ездить умеешь? Тогда проблем не будет».

Я поехал, икры у меня тряслись, каждые два метра я опускал ногу на землю, чтобы не потерять равновесие. Хозяин магазина наблюдал за мной. Когда я сумел преодолеть какое-то расстояние, за секунду до того как я исчез за углом, он крикнул: «Надо заправиться, там почти нет бензина».

Я понемногу привыкал к новой жизни в «Замке сарацинов». У меня были рабочие смены, карты по ночам, а теперь еще и «Атала-Мастер», чтобы разъезжать по окрестностям, когда мне хотелось. Так можно было жить. Можно было бы.

Но тут во дворе «Замка» появился Берн, весь в черных тритонах, в испачканных илом брюках, словно переправился вброд через болото. Увидев его, я сильнее сжал ручки корзины, которую нес в это момент.

– Что ты тут делаешь? – спросил я и осторожно поставил корзину на землю. Мне хотелось обнять брата, но я ожидал, что он сделает это первый. А он не двинулся с места.

– Я пришел освободить тебя. Возьми свои вещи и пойдем отсюда.

– Пойдем? Куда пойдем?

– Я покажу. А сейчас поторопись.

Тут пришел синьор Наччи. Я объяснил ему, что это мой друг, он подал Берну руку, и только я один заметил, с какой враждебностью Берн ее пожал.

Наччи взглянул на парковку – там не было ни одной машины. Он спросил Берна:

– Как ты сюда добрался?

– Пешком.

– Пешком? Откуда?

– Из Специале.

Наччи расхохотался, но, когда до него дошло, что Берн не шутит, замолчал.

– Теперь я понимаю, кто ты. Ты – племянник Чезаре и Флорианы. Они всегда описывали тебя как чудаковатого парня.

– Да неужели? – холодно произнес Берн.

Наччи настоял, чтобы Берн поужинал с нами. Это был единственный раз, когда мне довелось есть вместе с хозяином, хотя он все время говорил только с Берном.

– Отведи этого парня в общежитие, – сказал он мне, вставая из-за стола, – он не держится на ногах. А ты передай от меня привет Флориане и Чезаре.

Когда в соседней комнате включили телевизор, Берн вскочил на ноги. Он собрал в салфетку хлеб и еду со своей тарелки, затем молча, одними глазами приказал мне сделать то же самое. Потом достал из холодильника две банки кока-колы и йогурт и спрятал их под толстовку.

– Что ты делаешь?

– Я возьму только это. И еще вот это, – добавил он, доставая упаковку яиц.

– Так нельзя, Берн!

– Никто не заметит. Здесь полно всякой еды.

Мы выскользнули из дома Наччи и пробрались в общежитие. Берн остановился на пороге и оглядел комнату.

– Вот моя кровать, – сказал я, но Берна, похоже, это уже не интересовало.

– Поторопись.

– Я не могу вернуться на ферму. Чезаре ясно дал мне это понять.

– А мы туда и не собираемся.

Он сделал шаг вперед и чуть не упал на одно колено, но успел ухватиться за дверной косяк.

– Что с тобой?

– Ерунда, в спине кольнуло. Надо посидеть.

Но он не сел, а лег поперек двух кроватей. Лежал и глядел в потолок, дыша сквозь стиснутые зубы. Грудь под толстовкой вздымалась на несколько сантиметров вверх, и я заметил, как сильно он похудел. Потом он закрыл глаза и надолго замолчал.

– Что случилось, Берн? – спросил я наконец.

– Он уничтожил все мои книги.

– Кто?

– Чезаре. Показал, кто он на самом деле.

Наступила пауза. Но я знал, что последует продолжение. Так и вышло.

– Однажды вечером он вошел в нашу комнату и вывалил все книги из шкафа на пол. Он кричал: «Ты больше не будешь позорить наш дом!» Потом подобрал одну книгу и стал вырывать из нее страницы. Я не остановил его, я был словно загипнотизирован. Хотел увидеть, как далеко он пойдет. Он раздирали книги пополам, одну за другой. Но книги были не мои, а библиотечные, их надо было вернуть. Вспомнив об этом, я очнулся. Попытался вырвать книгу, которая в тот момент была у него в руках, но он не отдавал. Он говорил: я делаю это ради

тебя, Берн, позволь Господу освободить тебя! Дал мне пощечину. Потом какое-то время стоял с наполовину разодранной книгой в руке, ошеломленно глядя на меня. А затем, наконец, ушел.

В уголке левого глаза у него выступила слеза. Я лег рядом с моим братом, наши головы были совсем близко. Когда он повернулся лицом ко мне и заговорил снова, я ощутил его терпкое дыхание.

После того вечера мы не сказали друг другу ни слова. Я дал себе клятву больше никогда не говорить с ним.

Мы с Берном молчали. Снаружи умирало солнце, и комната стала лазурной.

В дороге он сидел позади, обхватив меня за пояс, и в какой-то момент приложил ухо к моему плечу. Потом вытянул руку и раскрыл ладонь, словно хотел остановить встречный поток воздуха. Пакет с остатками еды, которые я прихватил из ресторана, унесло ветром.

Мне никогда еще не приходилось так долго вести мопед. Когда мы добрались до окрестностей Специале, у меня болели руки.

– Сверни к морю, – сказал Берн, – заедем в Скало.

– Сейчас весна, там никого нет.

– Заедем туда.

Чтобы попасть к морю, надо было сначала проехать по холму, по кольцевой дороге вокруг Остунни. Взглянув на город, я так удивился, словно успел совсем его забыть. Я отпустил тормоз, и мы по инерции плавно спустились на берег моря. Там, где начинались кусты, мы остановили мопед и дальше пошли пешком. Тропинка была грязная, заросшая, ее с трудом можно было различить, однако Берн продвигался по ней вполне уверенно.

Он свернул к башне. Приподнял кусок сетчатой ограды, пролез внутрь и зашагал по зарослям крапивы. Потом достал фонарик и его слабеньким лучом указал на нишу в стене башни.

– Помнишь, как туда залезать?

Берн залез первым. Он был все такой же ловкий, как в те времена, когда у нас был домик на тутовнике.

– Давай сумку, – сказал он, добравшись до лестницы. Он осветил мне фонариком, и я пробрался внутрь, правда, оцарапал колено о торчащий камень.

В башне все осталось в точности как было летом, только без умиротворяющего рокота музыки снаружи. В тишине это место казалось призрачным. Когда мы почти уже добрались до комнаты наверху, я заметил слабый свет.

– Мы пришли, – сказал Берн.

Я уже собирался ответить «знаю», как вдруг заметил, что мы с Берном не одни. В комнате, которую освещал портативный фонарь, были еще Никола и какая-то девушка. Они сидели на матрасе, девушка – поджав под себя ноги, Никола – вытянув их во всю длину, так, что они почти касались противоположной стены.

– Привет, Томмазо, – сказал он, как если бы в том, что он находился здесь, не было ничего удивительного.

– Это ваш третий? – спросила девушка. Она не сочла нужным встать, чтобы поздороваться со мной, зато показала на сумку:

– Что вы привезли?

Берн бросил сумку на матрас, и девушка принялась рыться в ней с лихорадочным нетерпением.

– А сникерсов ты не взял?

– Что было, то и взял, – ответил Берн. И добавил, обращаясь ко мне: – Виолалибера любит сникерсы. Достань их в следующий раз, если получится.

– Так он что, не останется здесь? – спросил Никола.

– Нет, ему нравится там, где он сейчас. Там, где оливы растут в горшках и похожи на настольные безделушки.

– Это правда, что туда приезжают актрисы с телевидения? – спросила Виолалибера.

Я кивнул, все еще не опомнившись от удивления.

– И какие они? С огромными титьками?

Никола хихикнул.

– Нормальные.

– В чем дело, тебе не нравятся актрисы? – спросила Виолалибера. Она носила на кудрявых волосах ободок, который поднимал их, и они окружали ее голову, как корона. Волосы были очень густые и пышные. – Они намного красивее, чем я?

– Виолалибера была здесь еще раньше нас, – сказал Берн. – Ты, наверное, думал, что приедешь в такое место и здесь никого не будет, кроме разве что крысы.

– Крыса и правда была, – уточнила Виолалибера.

– Когда я вошел, то чуть не умер от страха, – продолжал Берн, не обращая на нее внимания. – Виолалибера спала в полной темноте, я направил на нее фонарик, она проснулась, увидела меня – и ни капельки не испугалась.

Тем временем он тоже бухнулся на матрас, почти рядом с Виолалиберой. Я один остался стоять.

Виолалибера мгновенно заглотнула йогурт, потом стала вылизывать стаканчик, засунув туда язык. Я понял, чем пахнет в этом убежище – плесенью.

Берн положил ей руку на ногу выше колена. Если бы он поднял большой палец, то достал бы до живота. Она открыла второй йогурт, отпила глоток и отдала остальное Николе.

– Здесь не поместится еще один, – сказала Виолалибера.

Возможно, Берн слишком сильно сжал ее ногу.

– Я же тебе сказал: он здесь не останется.

У меня закружилась голова, надо было сесть, но на матрасе оставалось слишком мало места, а садиться на пол я не хотел.

– Ты ночуешь здесь? – спросил я Берна.

– Когда хочу. Мы можем жить, как нам хочется.

Никола улыбнулся, в свете фонаря блеснули его зубы. В нем появилось что-то новое, какое-то возбуждение.

– А ниже пояса ты такой же белый? – спросила Виолалибера.

– Там он еще белее, – ответил за меня Никола.

– Значит, это ваш третий, – сказала она.

Берн развернул еще один сверток с едой, бумага успела промаслиться.

– Берите и съедайте всё, – сказал он, и Никола с Виолалиберой набросились на еду.

– Ты тоже здесь ночуешь? – спросил я у Николы.

– Только когда утром не надо на лекцию.

– Мы тут можем жить, как нам хочется, – повторил Берн. Порывшись в куче какого-то хлама, он вытащил кассетный магнитофон.

– Поставь кассету сначала, – попросила Виолалибера.

Берн перемотал кассету, послышалась музыка. Звук получался неважный, потому что кассета была заигранная, а магнитофон крошечный. Виолалибера вскочила с матраса, протянула одну руку к Берну, другую к Николе. Оба послушно встали и начали извиваться рядом с ней, словно приклеенные. Никола зарылся носом в ее волосы за ухом, может быть, поцеловал ее, а она повела плечами, как от щекотки.

Она тронула большим пальцем ноги мое ободранное колено.

– А ты чего ждешь?

Берн одной рукой держал ее за талию, а другой размахивал над головой. Я шагнул к ней, а она притянула меня к себе. Никола и Берн подались в сторону. Я ощутил запах бумаги, исходивший от ее волос, и кислый запах йогурта изо рта. Никола и Берн сомкнулись в кольцо вокруг нас.

– Мне надо... – пробормотал я, и это было все, на что меня хватило.

– Здесь нам никто не приказывает, – прошептал мне на ухо Берн. – Мы пожрали небо.

Потом кто-то начал раздевать меня, а может, я разделся сам. Мы раздевали друг друга, а потрескивающая музыка царапала стены. Затем мы рухнули на матрас, сплетясь, как клубок. Мое лицо оказалось совсем близко от груди Виолалиберы. Никола, лежавший рядом со мной, обхватил губами ее сосок, и я почувствовал, что должен сделать то же самое. Берн втиснулся между нами, мы с ним соприкасались повсюду, кажется, на несколько секунд я потерял способность двигаться. Мы по очереди ловили и втягивали ртом соски Виолалиберы, как пьют воду из фонтана. Кто-то, возможно она сама, взял мою руку и опустил вниз, к той части тела, о которой я до сих пор не осмеливался думать, и тут я заметил, что мы, все четверо, были обнажены и возбуждены. Я позволил направлять меня и двигать, затем рука, управлявшая мной, исчезла, и я продолжил сам, вслепую, пока не наткнулся на Берна. Я был в панике, когда сжал в руке запретную часть его тела, в точности так, как уже тысячу раз проделывал в воображении, будучи уверен, что в реальности этого никогда не случится. Но наши тела переплелись так тесно, что он ничего не заметил, а если и заметил, то промолчал. Я знал: будь мы с ним одни, он бы мне этого не позволил, но здесь, в башне, было позволено все.

Он слегка подался назад, мы оба повернулись на бок. Прежде чем полностью освободиться, он улыбнулся мне, и я перевел дух. Николу я видел только со спины, спина у него была широкая, гладкая, голубоватая в свете фонаря. Лицом он все еще прижимался к девушке, она лежала, раскинув руки, тяжело дыша, глядя вверх широко раскрытыми глазами. Казалось, она обессилена, не в состоянии сопротивляться, словно мы трое были одним огромным, извиляющимся, многоногим и многоруким животным, которое шевелилось на ней и внутри нее, заставляя ее стонать.

На мгновение я взглянул туда, куда был направлен ее взгляд, но увидел только серый, осыпающийся потолок. Я представил себе то, что все еще существовало за стенами башни – буйные заросли крапивы, скалы, отполированные прибоем, полная темнота. Но здесь все это уже не имело никакого значения. Мы были одни, в надежном укрытии, никто не смог бы до нас добраться. И я хотел, чтобы это никогда не кончалось.

Томмазо внезапно умолк. На мгновение он и я вернулись в настоящее время: мы взрослые, сейчас ночь перед Рождеством, в соседней комнате спит его дочка. Я запрокинула голову, машинально взглянула на потолок, на то же место, куда смотрел он, но не увидела ничего, кроме светлого полукруга от лампы, горевшей на тумбочке. А он видел другое: я это знала. У него перед глазами был нависающий потолок комнаты в башне.

Я поудобнее уселась на стуле. Томмазо медленно поднял голову.

– Я говорил себе: то, что мы делаем, – нехорошо, аморально. Но я возвращался в башню, когда только мог. Впрочем, это бывало нечасто – четыре или пять раз, не больше. Ну, пять, от силы шесть раз.

Закончив смену в «Замке», я сел на мопед, сворачивал на короткую дорогу через Мартина Франка, а потом выезжал на береговую автостраду. Хотелось добраться до башни как можно скорее.

– Тут замешана девушка, – сказал синьор Наччи, когда я в очередной раз пришел к нему отпрашиваться. Я промолчал. В сущности, это нельзя было считать ложью.

– Счастливая, неповторимая пора юности, – сказал он.

Затем достал из кармана банкноту в двадцать тысяч лир.

– Своди ее в ресторан.

На эти деньги я купил пасту, свиную грудинку, сникерсы и две бутылки красного. По общему негласному решению покупкой еды должен был заниматься я, потому что только у меня был постоянный заработок. Деньги, которые Никола ежемесячно получал от родителей, уходили у него на жизнь в Бари и на бензин. У Берна и Виолалиберы ничего не было.

Войдя в башню, я с порога бросал Виолалибере ее сникерсы, а она жадно их собирала. Готовили мы на походной плитке, которую ставили ближе к лестнице, чтобы в комнате чада было поменьше. За стенами башни был май, дни становились длиннее, но я не замечал этого. Теперь я предпочитал искусственную вечную ночь в башне, холодный свет фонаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.